

Ярослав Калака

Наряд

Книга I. Чёрное небо

Ярослав Калака

Наряд. Книга 1. Чёрное небо

«Издательские решения»

Калака Я.

Наряд. Книга 1. Чёрное небо / Я. Калака — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830449-1

Мир изменился. В недалёком будущем произошла глобальная политическая катастрофа. Для того чтобы выжить, всем несогласным с новым мировым порядком пришлось спуститься под землю и превратить сеть техногенных и природных подземелий в свой дом.

ISBN 978-5-44-830449-1

© Калака Я.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Глава II	14
Глава III	23
Глава IV	29
Глава V	34
Глава VI	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Наряд
Книга 1. Чёрное небо
Ярослав Калака

© Ярослав Калака, 2016

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

в которой главный герой проходит подготовительный инструктаж

– Поехали! – глядя себе под ноги, произнёс Алексей Дмитриевич спокойным, будничным тоном. – Готов? – поднял он глаза.

– Да, – кивнул я, сосредотачиваясь.

Мне ли было не знать, как всего лишь на протяжении одной фразы его спокойная речь могла превратиться в крик. Я вздохнул и украдкой посмотрел на часы. До ужина оставалось ещё целая вечность – около часа.

– После успешной сдачи инструктажа я приступаю к проверке необходимого снаряжения. Оружие, то есть... пистолет Макарова... КР 3910, вместе с дежурным по роте достаю из пирамиды...

– Номер своего оружия должен отскакивать от зубов! – Вскочил со своего места Алексей Дмитриевич Гнездивиллов и, сложив руки за спиной, нетерпеливо зашагал взад-вперёд. – Что значит: «вместе с дежурным по роте»? Думай, что говоришь, формулируй свои мысли чётко, собранно и верно, а не как придётся! Продолжай.

– Заряжаю обоймы, – продолжил я более твёрдым тоном, – для того чтобы завтра не тратить на это время. Получаю одежду у каптёрщика. Осматриваю её на предмет пригодности. Иду...

– Местность! – прервал меня Гнездивиллов нетерпеливым жестом.

Я принялся подробно описывать маршрут своего движения. Время от времени мой инструктор прерывал меня, чтобы осведомиться о той или иной детали, но, получив ответ, удовлетворительно кивал головой. Я использовал метод, который изобрёл мой друг Андрей Ильин. Он состоял в том, чтобы в своём воображении привязывать карту местности к потолку грота, в котором происходила защита подготовки, превращая его, таким образом, в огромную подсказку.

Постепенно, по мере объёма произнесённых мною слов у меня начала теплиться надежда на то, что *на этот раз* я наконец-то сдам ненавистный инструктаж. Мы начали утром, и за целый день этого своеобразного экзамена, прерванного всего лишь единожды на обед, я невероятно устал. Мой же беспощадный экзаменатор – тщедушный человек с большой головой и необыкновенно пронзительными глазами, выглядел так, как будто бы мы начали пятнадцать минут назад.

– Так, – на этот раз плавно прервал меня Алексей Дмитриевич тогда, когда моя победа на уровне знания рельефа была в этот раз вне сомнения. Облокотившись на огромную указку, кончик которой упирался в пол, он прищурился. Поняв, что сейчас последует один из тех вопросов, которые с лёгкостью способны возратить всю процедуру к исходной точке, то есть началу, я замер.

– Ты наткнулся на патруль... на патрульного, пусть он будет один, так смоделируем ситуацию, – неторопливо заговорил мой наставник, – дистанция между вами – пятнадцать метров. Ты принял решение бежать. Позади тебя улица, через пятьдесят метров перекрёсток. Как будешь бежать?

– Справа налево, – ответил я, не веря, что вопрос оказался настолько простым. – То есть, заверну за левый угол на перекрёстке.

– Верно, – задумчиво подтвердил Гнездивиллов. – А почему?

– Человек так устроен, что по движущейся цели ему проще стрелять, когда она движется слева направо, поэтому убежать от стрелка следует наоборот, то есть справа налево. Так больше шансов не быть подстреленным.

– Ну и крайний, – он снова облокотился на указку и прищурился. – Какой период для собак наиболее благоприятен для работы со следом на поверхности – дневной или ночной?

Я молча покосился на стопку конспектов, лежащую на парте передо мной. Вряд ли ответ на этот вопрос был даже там; пришлось гадать:

– Дневной?

– Нет. Наиболее высокие результаты работы, товарищ курсант, собаки показывают в ночное, а самые худшие – в дневное время, между 11 и 16 часами. Передача. Ровно через сорок минут я Вас жду, идите на ужин.

– А почему ночной, Алексей Дмитриевич? – после паузы и вздоха спросил я.

– Солнечная радиация. Влияние величины радиационного баланса земной поверхности на результаты работы собак довольно значительно. Наилучшие результаты собаки показывают при низких и особенно отрицательных радиационных балансах. Секунду! – он достал учебник и принялся искать нужное место. – Вот! – надел он очки. – При отрицательном радиационном балансе результаты работы ищек по выборке и проработке следов высокие – выше 97%. Наоборот, при повышенном радиационном балансе собаки прорабатывают менее половины следов. Какие, кстати факторы ещё влияют на работу наших четвероногих врагов? – уже дружелюбно спросил мой инструктор, захлопывая книгу.

– Жара, – ответил я, с трудом заставляя уставший язык говорить чётко, не мямлить, – сильная жара быстро изнуряет собаку и способствует быстрому улетучиванию запаха следа. Влажность воздуха... относительная... с её увеличением результаты работы собак улучшаются...

– Да, да, – рассеянно прервал он меня, листая оценочный журнал, – ступай есть.

Только покинув грот, в шутку прозванный курсантами «Гротом утопающих» за то, что подавляющая часть инструктажей происходила именно в нём, я вспомнил, что назначенное время для встречи с моим товарищем уже давно прошло, но всё равно, надеясь, что меня до сих пор ждут, поспешил к условленному месту. Освещение ещё не выключили, хотя было бы уже пора. На тот случай, если это произойдёт внезапно, я достал из кармана фонарь. Мой путь шёл по учебной части системы Центра, которая к этому времени обычно всегда была безлюдна.

С моим товарищем мы договорились встретиться возле «Ночной кобылы», чтобы вместе пойти на ужин. «Ночной кобылой» назывался рисунок, расположенный возле одного из перекрёстков, откуда было одинаково удобно добираться и до жилой части Центра, которую мы называли «расположением», или просто «располагой», и до столовой.

Хотя при освещении, которое вот-вот должны были выключить на ночь, как было всегда, для экономии топлива, которым питались наши дизели, заблудиться очень трудно, я всё равно старался сосредоточиться на пути. Конечно, если бы я ошибся и свернул не туда, ничего страшного бы не случилось. Но не хотелось терять время и использовать освещение, в котором было проще ориентироваться. Наконец-то я добрался до одного из поворотов, над которым нависал уж очень характерный чемодан – нависавшая глыба была единственной в своём роде на всю нашу систему Центра. Это означало, что я почти вышел на относительно прямой путь.

Андрей ждал меня не в маленьком углублении неподалёку, в котором было так удобно прятаться от глаз начальства, а прямо возле самой «Ночной кобылы» – громадного, почти в натуральную величину изображения на стене штрэка чёрной лошади, грациозно державшей в своих зубах красную розу. Это искусство было ещё с доокупационных времён, когда все жили на поверхности, а не под землёй. А этот и другие рисунки, иногда скульптуры, остались в память о беззаботных туристах, которые из-за любви ко всему подземному проводили свой досуг, посещая различные подмосковные (и не только) катакомбы и пещеры. Тогда никто

из них и не подозревал, что совсем скоро степень профессионализма их навыков станет вопросом выживания целой страны, или, если быть точнее, её жалких остатков.

– Ну не дуйся, – уговаривал я своего друга, скрестившего руки на груди, – разве я думал, что до сих пор буду сдавать этот чёртов инструктаж! Сам рассчитывал переделать к этому времени кучу дел, а не сделал пока ничего!

– Дима, я прождал тебя час! – когда мой товарищ нервничал, он начинал чуть заметно картавить.

– 53 минуты, – возразил я, посмотрев на часы.

– Ах, да, ну конечно, это существенно меняет дело! В столовой наверняка уже всё остыло, я мог бы давным-давно поесть и уже спокойно читать, лёжа в своей кровати, – проговорил он, немного успокаиваясь.

– Что ты читаешь на этот раз?

– Фантастику.

– Новая книга?

– Нет.

– До сих пор читаешь ту толстую книгу о куче принцев из немецкой разведки?

– Что ты несёшь? Нет там никакой немецкой разведки!

– А сёстры у твоих принцев были?

– Были.

– Перескажешь, когда прочтёшь?

– Сам возьмишь книгу и прочтёшь.

– Ну ладно, хватит дуться, пошли.

Образ жизни, который вели все мы, не способствовал образованию излишков веса, но Андрей Ильин напоминал скелет, обтянутый ну совсем тоненькой кожей, и был ещё худее меня, будучи немного выше; а я при своих 187 сантиметрах весил 65 килограммов. У него были живые чёрные глаза, такого же цвета волосы, смешно топорщившиеся на голове во все стороны, и длинные руки, которыми он очень любил размахивать, словно мельница, когда увлекался тем, о чём говорил.

– Ну что, сдал? – наконец-то поинтересовался он. – Пошли быстрее... ну вот, вырубили свет!

– Нет, – ответил я, щёлкнув светодиодным «Фениксом», в то время как Ильин возился со своим коногином. Разобравшись со светом, мы двинулись дальше.

– Нет? До сих пор? Да ты шутишь?

– Я похож сейчас на шутника?

– Ладно... ладно... – примирительно ответил Андрей, заметив мою взвинченность.

– Знаешь, как устал? – вздохнул я. – Кстати, и есть-то хочется!

– На чём запоролся в крайний раз?

– На собаках. Вот ты мне скажи, ты знаешь, когда собака лучше берёт след, днём или ночью?

– Ночью, – ответил мой друг, – а ты что, не знал?

– Да ну тебя, – окончательно расстроился я. – Это у тебя инструктором спокойный Стеклов, он вообще хоть раз в жизни на кого-нибудь кричал? Разве сравнить с Гнездивиловым?

– Да, тут тебе, конечно, повезло... Но зато у него самые лучшие выпускники, это весь Центр знает. К тому же у тебя первый самостоятельный выброс, я вон тоже, хоть и у Стеклова, но тоже не сразу сдал.

Ильин своим первым самостоятельным выходом опередил меня на целых три недели, будучи по счёту девятым со всего курса курсантом, выполнившим без инструктора свое первое, пусть и учебное, наземное задание. Завтра мне предстояло стать тринадцатым по счёту желторотым птенцом нашего курса, которого отправят на поверхность с первым самостоятельным

заданием. Весьма неплохой результат, особенно если учесть, что воспитанники Гнездивилова традиционно, конечно же, не по своей воле, совершали свой первый одиночный выброс тогда, когда тянуть было просто некуда. К тому же в этом году я был первым из его учеников, кто шёл сам, что само по себе кое-что значило. Мне же, как всегда, было мало.

– Завтра догонишь меня, и мне придётся придумать что-нибудь новенькое, чтобы подтрунивать над тобой, – стараясь не вертеть головой, на которой крепился фонарь его коногона, заметил мой товарищ.

– Скорей бы, – хмыкнул я. К этому времени мы подошли к столовой.

Для катакомб, вообще, верно то, что в них, как правило, отсутствуют большие, просторные гроты. Это объясняется тем, что они результат рук человеческих и своим возникновением изначально обязаны не эстетике, а тому, что людям когда-то понадобился известняк для того, чтобы строить свои города. Конечно, не всегда обязательно известняк – иногда это был гипс, песок или другие породы земных недр.

Поэтому чаще всего, если вы в просторном гроте, размеры которого занимают более чем внушительные пространства, то, скорее всего, он сделан специально для каких-то нужд уже после Великого Исхода. Это было верным и для нашего расположения, и для столовой, в которую мы вошли.

– Пошли помоем руки? – спросил Андрей.

– А, – махнул рукой я.

Сели не за свой, а за более удобный стол, пользуясь тем, что наши уже поужинали. Вообще-то, мы должны были придти на ужин вместе со всеми, как и положено, строем. Но сегодня было воскресенье, тем более конец дня. К тому же вместе со всеми я бы и не успел. На самом деле у этого оправдания не было настоящей ценности просто потому, что даже если бы я и успевал, то всё равно бы пошёл с Ильиным самостоятельно, без строя. Мы часто делали так в выходные, пользуясь традиционным для будней ослаблением контроля офицеров за нами.

Наряд по столовой неторопливо убирал со столов грязную посуду.

– У тебя завтра первый самостоятельный выброс? – к нашему столу подошёл Гусалов, курсант из нашего отделения. Его белая рубашка, забрызганная водой, указывала, что, скорее всего, ему выпало быть на посудомойке. В наряде по столовой было несколько мест, к которым курсанты прикреплялись на всё время своего дежурства. Иногда в самом начале наряда их выбор решался жребием, но бывало, что желания всех заступавших совпадали, и в нём не было никакого смысла: у каждого из них были свои фанаты.

Месяц назад мы здорово разругались, и дело тогда чудом не дошло до драки. Конечно, если бы у спортсмена Феликса, так звали осетина Гусалова, не хватило выдержки, и он всё-таки треснул бы меня, не вытерпев моего действительно несносного тогда упрямства, у меня вряд ли был бы шанс ответить. Потом мы помирились и стали, как иногда бывает после подобных инцидентов, невероятно вежливы и предупредительны друг перед другом.

– Да, Феликс, – ответил я.

– Боишься?

Конечно, следовало сказать как можно более уверенным тоном: «Нет!» или что-нибудь ещё в подобном духе, но мне почему-то вдруг так расхотелось врать, что я ответил:

– Немного.

– Все боятся, – успокоил меня он. – И я буду... Сейчас принесу вам поесть, – он ушёл в направлении кухни.

– Смотри-ка, – сказал Ильин, – судя по объёдам, сегодня твоя любимая килька с картофельным пюре.

Вслед за его словами, в точности подтверждая прогноз, возвратился Гусалов с подносом в руках. В качестве бонуса была третья порция, и все тёплые – приятное обстоятельство, на которое мы уже и не рассчитывали.

– А ты знаешь, – проговорил с набитым ртом Ильин после того, как мы, поблагодарив осетина, остались одни, – что мы с тобой идём во вторник в наряд?

– Да, – оживился я, – а куда?

– Сюда, – удовлетворённо ответил Ильин.

Он сосредоточенно макал галетное печенье в томатный соус от кильки. Как обычно, ничего не выходило – каменные галеты и прежде просто так не сдавались.

– Хоть одна хорошая новость за целый день, – обрадовался я. – Как ты думаешь, баба Зина больше не сердится на нас за ту сгущёнку?

– М... – ответил мой товарищ, сглатывая. – Если б она знала про тушёнку... Кстати, здорово ты тогда придумал.

– Слушай, – спохватился я, понял, что мне пора, – всё, побежал... Я кратким путём, а ты ешь.

– Ни пуха...

– Слушай, Андрюш, – перебил его я, – у меня к тебе просьба, в ответ проси что хочешь!

– Ну?

– Ты же понимаешь, сейчас инструктаж, затем к Пароконному, потом... кстати, ты узнал, кто у меня проводник?

– Бурмистров.

– Петрович, это хорошо, вот, потом к Буру договариваться, к Коле Кривенко за шмотём...

– Намазать твои берцы касторовым маслом?

– Ага.

– Слушай, это уже во второй раз!

– Ну, пожалуйста, ты же видишь, что я действительно не успеваю!

– Плеер на... два, нет, на три вечера, хорошо?

– Договорились, сейчас отдать?

– Нет, завтра, сегодня я буду читать.

– Спасибо!

Когда я вернулся, Алексей Дмитриевич допивал чай.

– Поехали, – в очередной раз невозмутимо сказал он. Мы без приключений преодолели такие классические разделы, как подготовку, снаряжение, знание местности, опознавание, ориентировку и застряли на теме столкновения с оккупантами – солдатами Альянса.

– Запомни, Дима, – говорил Гнездиволов, чеканя каждое слово, глядя мне прямо в глаза, – ты выйдешь на поверхность во сколько?

– 5.30, по плану в 5.30.

– Да, расчётное время твоего движения до цели составляет?

– Порядка 40—50 минут.

– И расчётное время до точки заброса?

– Порядка 35—45 минут.

– Да, так вот, ты прекрасно знаешь, что с шести до семи часов утра у Альянса происходит смена патрулей. Это хорошо. Их просто не должно быть, но если ты всё же наткнёшься на один из них, им будет проще пристрелить тебя, чем вести в отделение своей комендатуры... Правда, проще и отпустить, поэтому будь спокоен при разговоре... Ты – босоножка, пистолет тобой найден, всю местность ты знаешь. Никогда не смотри в глаза. Они сами могут ответить на заданный тебе вопрос ещё до того, как ты откроешь рот! Смотри сюда, – он ткнул себя в лоб между бровями.

Это же самое, возможно, даже подробнее, я уже проговаривал, и не раз, за сегодняшнюю сдачу. Но таков уж был порядок.

– Запомни, запомни это так твёрдо, словно это выжжено у тебя на лбу: пистолет тебе даётся не для того, чтобы палить по патрулям. Стандартный патруль саксов состоит из?..

– Обычно пять человек, может усиливаться до семи или девяти как во время проведения широкомасштабных, так и локальных спецопераций Альянса...

– Да, а если учесть, что звук выстрелов соберёт все патрули вокруг... Словом, заруби себе на носу то, что твой ПМ может спасти твою жизнь при столкновении один на один с босоножками, далеко не все из них дружелюбны! С саксами-мародерами... От диких собак, но ты всегда должен невероятно трезво просчитывать ситуацию и думать, что делаешь! Предусматривать, хорошенько запомни это слово, – *предусматривать* развитие экстремальной ситуации и быть способным принимать верные решения в условиях стрессовой нагрузки, – вот что, прежде всего, поможет тебе выжить при непредвиденном происшествии. Часто тебе будет достаточно навыков общения, вспомни случай Лебедева. Ситуацию Човган. Из свежих – ЧП Егорова... и ещё, напomini фамилию, на прошлом месяце...

– Подгорный?

– Нет! Говорю же, на прошлом месяце!

– Вивчарь?

– Да, точно! Не забывай, как резко меняется твой статус на поверхности с того мгновения, когда ты даже не применил, иногда бывает достаточным демонстрации противнику того, что ты готов применить своё оружие... Когда-то курсанты вообще ходили наверх без него... Перед выбросом, после того как... твой подземный оперативник Бурмистров, не так ли?

– Да.

– После того как Анатолий Петрович снимет с твоих глаз повязку, ты должен отрешиться от обычной житейской суеты, от великого и от малого. Ты не будешь уже принадлежать ни самому себе, ни своим начальникам, ни своим воспоминаниям. Ты отказываешься от своего прошлого, будущего, храня всё это только в сердце своём. Не будешь иметь имени, как лесная птица. Ты должен срастись с улицами, развалинами, землёй, по которым ты будешь идти, стать духом этих пространств, осторожным, подстерегающим, в глубине своего мозга вынашивающим одну мысль: свою задачу. Так для тебя начнётся древняя игра, в которой действующих лиц только двое: человек и смерть... И на этот раз с тобой рядом не будет инструктора, то есть меня, – тебе придётся рассчитывать только на самого себя, на свои собственные реакцию, ум, смекалку, навыки и пока ещё маленький опыт... Давай тетрадь подготовки к наземным действиям.

Пока я разворачивал тетрадь с расписанной подготовкой, зазвонил телефон – старенький коричневый тапик.

– Да, – ответил инструктор.

– Алексей Дмитриевич, Пароконный. Я хотел Вас спросить, как Ваше настроение и самочувствие? Как Ваш подопечный? Вы знаете, мы уже понемножечку закругляемся, даже больше, – в основном ждём Вас, – в трубке звучал голос начальника 72-го учебного центра подземных коммуникаций сопротивления. В бывшей жизни, по слухам, он был начальником кафедры тактики одного из военных училищ, которое ликвидировали незадолго до Великого Исхода.

– Мы уже идём, Николай Иванович, будем через 25 минут.

Подписав инструктаж и включив свой коногон, Алексей Дмитриевич повёл меня в командный блок.

В гроте, который играл роль приёмной, мы столкнулись нос к носу с подполковником Перчиным, начальником подземной разведки центра и преподавателем.

– Здравствуйте, Алексей Дмитриевич, не хворать и тебе, завтра будь осторожен, Гарвий.

– Здравия желаю, буду стараться, товарищ подполковник.

– Как дела, Серёжа? – спросил его Гнездивилов.

– Господи, как же он любит говорить, – вздохнул Перчин, имея в виду Пароконного, и кивнул на дверь. – Вас ждут.

Мы постучались и вошли, оказавшись в гроте, прозванном «верховным». За огромным столом восседал начальник Центра, беседуя по телефону. Рядом сидел командир моей роты, майор Перегудов, усатый, круглолицый человек. Грот освещался светом свечей и трёх керосиновых ламп: Пароконный не любил электричества. Стол был завален документами, стены увешаны флагами, а на многочисленных полках шкафов размещалась всякая всячина – начиная от каких-то спортивных кубков и заканчивая огрызками карандашей.

В углу капитан Лапшин, кадровик Центра, возился с проигрывателем дисков. В воздухе стоял запах виски.

– Почему Вас не было на построении на ужин, Гарвий? – рявкнул Перегудов.

– Был задержан мною, – невозмутимо ответил за меня Алексей Дмитриевич, который всегда заступался за «своих» курсантов. Владимир Дмитриевич насупился в усы, но решил промолчать: то, что связываться с Гнездивиловым было себе дороже, знали все.

В это время Лапшину всё же удалось наладить упрямое устройство, которое почему-то всегда, когда мне приходилось здесь бывать, либо ломалось, либо чинилось. По гроту ласково заструилась музыка. Николай Иванович махнул рукой Лапшину, указав на меня, после чего тот, поздоровавшись, сказал:

– Пошли пока выведем приказ, и распишешься...

Мы вернулись в приёмный грот, где, усадив меня на скамью, капитан ловко распечатал приказ на выброс и указал все места в многочисленных журналах безопасности и инструктажа, в которых было необходимо расписаться.

– Ну, с Богом, завтра, Дима. Удачи, и не волнуйся! – пожелал он. Несмотря на разницу в возрасте и званиях, мы были дружны и частенько общались на интересовавшие нас обоих темы. – Вот приказ, иди!

Когда я вошёл, общее напряжение спало, и мой командир роты с моим инструктором уже что-то живо обсуждали.

– Товарищ полковник, приказ, – я протянул бумаги Пароконному, перед ним была раскрыта моя тетрадь с подготовкой, подписанная Гнездивиловым, не хватало только его подписи. Начальник Центра уже, было, занёс чернильное перо перьевой ручки, но ему было суждено замереть в воздухе.

– Товарищ курсант, уже поздно, у Вас ещё масса подготовительных дел, – его хотел, было, перебить Перегудов, но осёкся, – и завтра, бесспорно, необыкновенно важный день, который открывает новую страницу Вашей жизни. Николай Иванович имел громадный, высокий лоб, маленькие серые глаза и необычайно подвижные руки фокусника, помогавшие каждому его слову жестикующей. – Но для одного вопроса время мы всё же найдём... – он в задумчивости потёр пальцами лоб, что было у него привычкой.

Боковым зрением я заметил, как замерцали глаза у моего внешне невозмутимого инструктора. Теперь подвергались экзамену мы оба.

– Скажите-ка мне, Гарвий, конечно же, не дай Бог, но всё-таки, нет, не Вам, давайте возьмём гипотетических стрелков, предположим, что один из них стоит лицом, грудью по направлению к ожидаемым пулям противника, а второй боком... обоим не за что укрыться... Кто из них меньше рискует и почему?

В конце вопроса в грот вошли Перчин и Лапшин.

– Я извиняюсь, – сказал последний, – товарищ полковник, начальник службы жизнеобеспечения будет через 15, начальник медицинской через 10 минут, а до начальника связи пока не могу дозвониться.

Я облегчённо вздохнул. С вопросом повезло:

– Не следует стоять боком к противнику под тем якобы предлогом, что так представляешь меньшую площадь для прицела. Дело в том, что в таком положении наиболее важные для жизни органы человека более уязвимы для пуль противника, чем в положении, когда он стоит к нему лицом.

Гнездивилов победоносно улыбнулся уголками губ и поднялся со скамьи.

– Оставайтесь, Алексей Дмитриевич, – попросил Пароконный, – если не торопитесь. А Вы, Гарвий, свободны, – расписавшись, он протянул мне мою тетрадь, – и помните, что *все мы*, будем завтра ждать Вашего благополучного возвращения.

– До свидания, товарищ полковник, товарищ подполковник, товарищ майор, товарищ капитан, Алексей Дмитриевич.

– Кривенко ждёт тебя, – пробасил Перегудов. – И через час ты должен быть в постели, я проверю!

– И помни, Гарвий, – напоследок сказал Перчин, передавая мне маленький тубус – контейнер для моего связного, – что если риск – отец разведки, то осторожность – её мать.

Глава II

в которой главный герой получает отнюдь не новый выходной костюм, видит соблазнительный натюрморт с бутылкой, наполненной подозрительной прозрачной жидкостью неизвестного происхождения, идёт в кино, учит молитву, а также с нескрываемым наслаждением вместе с товарищами уплетает галеты и лук

Время поджимало, но, несмотря на усталость, до отбоя мне предстояло сделать кучу дел. Все они касались предстоящего завтра выброса на поверхность и были безотлагательны. Плюнув на логику очерёдности, я решил выполнять их по принципу «что первое под руку попадётся». Первым попало получение гражданской одежды. В ней на поверхности я был должен выглядеть как обыкновенный босоножка, то есть бродяга. Для этого я пришёл в каптёрный грот, который располагался в жилой части системы Центра.

– Смотри-ка, Дима, у меня припасён для тебя подарок, – сказал мне каптёрщик Коля Кривенко, протягивая мне синие кальсоны.

– Тёплые, – улыбнулся я, пробуя ткань на ощупь. – Что тебя интересует в этот раз?

– Олово, – ответил Коля.

Он был круглолиц и отличался необыкновенно практичным складом ума. Впрочем, каптёрщики всегда парни не промах.

– Если тебе на глаза попадётся оловянная ложка или вилка, а лучше парочка, я буду несказанно рад.

– Я тебя понял... Коля, а когда будет смена комков? Мой совсем стёрся, погляди, особенно с внутренней стороны! – я расстегнул несколько пуговиц, чтобы продемонстрировать состояние своего кителя.

В Центре курсанты ходили в военной полевой форме. Говорят, что прежде их меняли раз в полгода.

– В следующем месяце... Думаю, в конце... Может быть. Не говори пока никому, на данный момент это строго конфиденциальные данные, – подмигнул он мне и улыбнулся. – Держи. Носки, штаны, футболка, джемпер, свитер, куртка, ремень, кепка... – он вывалил передо мной кучу замызганного тряпья, от которого отвратительно разило. – Распишись здесь. Я торопливо, но тщательно проверил одежду и расписался в карточке выдачи.

– Через какие точки выходишь-входишь? – спросил Кривенко, стряхивая пепел от сигареты в полулитровую банку, наполовину заполненную почему-то не окурками, а одним только пеплом.

– Восемнадцатая и первая.

– Ну, можно сказать, что повезло.

– Почему?

– Недалеко от нас.

– А, ты об этом. Коля, побежал, куча дел, спасибо.

– Ни пуха тебе завтра, Дима!

Центром жилой части системы 72-го уц КСПН пкс, что расшифровывалось как «учебного центра Командования специального подземного назначения подземных коммуникаций сопротивления», был плацевой грот. Его размеры впечатляли: громадный высокий зал своим существованием, казалось, бросал вызов подземному миру, которому по понятным причи-

нам не свойственны большие пространства. Потолок плацевого грота мы называли «чёрным небом» из-за его переплетённой паутины гирлянд ламп вверху, снизу отдалённо напоминающих звёзды. В нём же, как в самом вместительном гроте, происходили построения.

К нему примыкали, первый – с западной, а второй – с южной стороны, два других грота. Меньше по площади, они имели с плацевым гротом общий потолок. Однако их высота была куда ниже, то есть, говоря другими словами, их пол располагался выше пола плацевого. Таким образом, они как бы «нависали» над ним так, что из них открывался вид на плацевой примерно с трёхметровой высоты.

В гроте, примыкавшем с западной стороны, располагался второй курс. А в южном гроте – мой, то есть первый курс. В нём в два яруса стояли армейские кровати, на которых мы спали. В соседних ответвлениях, они были небольшого размера, размещались остальные комнаты нашей казармы. Самыми главными среди них были канцелярия, оружейная, бытовая и досуговая.

В отличие от плацевого, мы, так же, как и расположение второго курса, отапливались дизелями, которые, находясь в агрегатном гроте, грели воду, поступавшую к нам по трубам. Для того что сохранять тепло, на месте соединения с плацевым гротом была перегородка, состоявшая из деревянных перекрытий и громадных стеклянных окон. Моя кровать была верхней, в углу у окна. Рядом, тоже на втором ярусе, была кровать Ильина. Данное обстоятельство позволяло вести наши беседы, а бывало, и споры, и после отбоя тоже.

Плацевой круглосуточно освещали три фонаря, и иногда, если хоть немного постараться и забыть, что находишься глубоко под землёй, ночью, то есть того, когда в расположении отключали свет, было приятно мечтать, глядя в окно. Вместе с фонарями оно поддерживало иллюзию того, что спустя несколько часов произойдёт одно из самых волнующих обыкновенных чудес нашей планеты. То самое, которое люди научились ценить только после того, как им во время Великого Исхода пришлось покинуть поверхность Земли и скрыться в её недрах. Это восхитительно-обыкновенное чудо – восход солнца.

В расположении происходила обычная вечерняя деятельность: наряд дежурил, поочередно сменяя друг друга на «тумбочке», все остальные предавались своим делам. Кто-то зубрил конспекты, кто-то читал. Некоторые чинили свою форму и пришивали свежий подворотничок, были такие, кто брился или мыл в умывальнике голову. Работал телевизор, снабжённый стареньким проигрывателем дисков. Иные курсанты просто разговаривали между собой, добавляя в постоянный звуковой фон помещения обрывки своей речи. Они состояли из еле слышного шёпота, восклицаний, обрывков фраз и взрывов смеха, – всего на первом курсе обучались 77 человек.

Я притащил выданное Колей тряпьё и бросил его на табуретку перед своей кроватью.

– Эй! Ты чего его сюда притащил? – возмутился Вова Пузанов, имевший скандальный характер. – Мы сейчас все здесь задохнёмся от этой вони! – он оттопырил свою огромную нижнюю губу.

– Закрой рот, – огрызнулся я. Мне было решительно некогда ругаться и спорить.

– Володя прав, – сказал Юра Варнашкин, другой курсант нашего отделения, в задумчивости поднимая фигуру коня, он играл в шахматы с Сухом, тоже нашим курсантом, – а почему ты не отнёс в бытовку и не развесил на батарее, как обычно делают все остальные?

– Какие вы все умные! – драматически воскликнул я. – Ну, конечно же, бытовка, как же раньше я не думал? Может быть, я вообще не знал о ней все эти месяцы?! Раз я принёс всё это сюда, значит, бытовка занята, дети дебилов! Почём мне знать, кто развесил там своё постиранное тряпьё!

– Псих, – спокойно сказал Сушко, задумчиво глядя на доску, – постирался Гамлет. Вам просто нужно поменяться, Карапет пусть принесёт свою постиранную форму сюда, а ты на его место, – и, наконец, приняв решение, сделал ход ферзём.

- Да он просто... – принялся разворачивать скандал Пузанов, но был прерван:
- Если не закроешь рот, то получишь по роже! – заорал я на него.

– Послушай, Дима, – оторвался от своей книги Андрей Ильин, видимо, запах уже добрался до второго яруса, – Карапетян сейчас придёт со второго курса и освободит бытовку. – Он перевернул страницу и продолжил: – А ты пока всё-таки отнёс бы туда свой гардероб, а?

Не выдержав дружного сопротивления, а так же прекрасно понимая, что в этом споре неправ, я подхватил тряпье и понёс его в бытовку. Впрочем, на пути я встретил Гамлета Карапетяна, так неудачно выбравшего время для стирки. Этот неизменно добродушный и вежливый армянин тоже был курсантом из нашего отделения. Именно с ним я в своё время поменялся кроватями, чтобы стать соседом Ильна. Вместе мы быстро восстановили всеобщую гармонию, развесив всё на свои места.

Покончив с сушкой тряпья, я отправился к Анатолию Петровичу Бурмистрову. До грота, в котором он жил, было недалеко. Как назло, я всё-таки поддался искушению пойти по более короткому пути. Разумеется, в конечном итоге «короткий» малоизвестный путь отнял больше времени, чем «длинный», но знакомый. Следовало торопиться: я уже должен был быть в постели, потому что завтра для того, чтобы выброситься в 5.30, проснуться надо было около четырёх часов утра. Я шёл к своему подземному оперативнику, то есть человеку, которому завтра предстояло провести меня от КПЛ №2 – контрольно-пропускного люка №2, одной из трёх границ, отделявших систему 72-го учебного центра КСПН пкс от внешней Системы, до точки выброса, то есть до места, в котором наш подземный мир соприкасался с миром поверхности.

Наш УЦ готовил наземных оперативников, то есть специалистов, предназначенных для выполнения задач на поверхности. Считалось, что ориентироваться под землёй, за пределами территории нашего Центра, было не только необязательным, но и вредным для нас. Поэтому курсантов к точке выброса вели подземные оперативники, большую часть пути плотно завязывая нам глаза чёрной тканью. Так блюлась безопасность: схваченный на поверхности будущий поверхностный оперативник был не способен выдать врагу дорогу к своей подземной учебной цитадели просто потому, что не знал её.

Конечно, Альянс не раз пытался решить проблему одним махом, но вынужденный так или иначе вести боевые действия с самыми разными партизанскими сопротивлениями практически по всему земному шару, испытывал катастрофическую нехватку кадров, усугублявшуюся тем, что внутренняя мотивация наёмника всегда проигрывала, и будет проигрывать мотивации патриота. Он сражается за свою семью, народ, страну, культуру, цивилизацию, в конце концов, то есть те ценности, которые, что бы ни говорили, всегда будут иметь место в этом мире.

Да, считалось, что существуют специальные подразделения Альянса, задачей которых было ведение боевых действий под землёй, но они были малочисленны и не блистали подготовкой, – их называли «кротами». Но и на эту проблему у Сопротивления было решение, оно заключалось в широком использовании высокопоставленных заложников, некогда метко прозванных неизвестным остряком «аватарами» за то, что их частенько использовали для того, чтобы сделать видеозапись с посланием противнику. Не только 72-й УЦ пкс, но и все важные объекты КСПН – Командования специального подземного назначения, располагавшиеся под уровнем земной поверхности Москвы и Московской области, обладали как минимум одним, а чаще всего, несколькими «аватарами». Без этого уничтожить большинство подземелий было бы возможно даже без штурма, пусть не затопив их (почти все они имели более-менее адекватную защиту от затопления), так применив АХОВы – активные химически отравляющие вещества. Например, используя тот же хлор, который тяжелее воздуха и на местности сам стремится занять все овраги и траншеи, встречающиеся на его пути.

Как и большинство жилых гротов, вход в грот Петровича был занавешен плотным покрывалом. Подобрал камень, специально лежащий для этих целей справа от входа, я легонько, по земным меркам неуловимо тихо, постучал по стене.

– Войдите! – громовым голосом пробасил Анатолий Петрович изнутри, и я, отодвинув занавесь, вошёл внутрь.

Бурмистров вечерял. Его жилище имело овальную форму, и точно так же, как и его хозяин, было необыкновенно опрятным. В этой части системы Центра не было отопления, но была проведена электрическая сеть, от которой работал нагреватель. На стенах висели рисунки, сделанные хозяином, а в углу что-то бубнил маленький телевизор, подключённый к плееру, освещая грот вместе с уютным светом керосиновой лампы.

– Будешь? – Петрович указал на стол. Там были: раскрытая банка кильки, к которой ещё не успели притронуться, стопка галет и громадная очищенная луковица. Натюрморт довершала бутылка с прозрачной жидкостью. Разведённый спирт, догадался я. «Интересно, где он раздобыл эти богатства?» – пронеслось в моей голове, но спустя мгновение я уже достаточно овладел собой, для того чтобы не смотреть на стол.

– Спасибо, но я на две секунды, Анатолий Петрович, сами понимаете.

– Ну, смотри... – хозяин погладил свою сохранившуюся в идеальном порядке бороду, – давай проверим. Через какую выбрасываешься?

– Через восемнадцатую.

– А забрасываешься?

– Через первую.

– Точки знакомы?

– Первая – да, на восемнадцатой быть не приходилось, – ответил я.

– Гм... – задумчиво продолжал гладить бороду Бурмистров, – ну ничего, выведу тебя к восемнадцатой, а вот у первой тебе, конечно, меня придётся часика три подождать... Забрасываться планируешь во сколько?

– Около семи.

– Даже четыре... Ну, думаю, ничего, потерпишь.

– Конечно, – улыбнулся я, мысль о возвращении грела.

– Выброс запланирован на пять часов?

– На 5.30.

– Понятно... А встретимся мы с тобой у второго КПЛ ровно в... четыре часа утра... Кстати, тебе пора на боковую. Что касается твоего света. Ничего не изменилось? «Феникс», а в качестве запасного маленький армейский старого образца, так?

– Да.

– Противогаз не забудь... Ну, по моей части, пожалуй, всё... Мне что одного тебя вести, что с инструктором, одна только разница – для глаз одну чёрную повязку брать или две...

– Петрович? – спросил я.

– Да?

– А Вы помните, говорили о кобуре, может... правда, как рассчитываться с Вами буду, честно, не знаю, а?

Бурмистров улыбнулся, подошёл к своему импровизированному, совершенно невообразимым образом сбитому из разных дощечек шкафу. Порылся внутри.

– А португеза-то у тебя есть?

– Неа, – ответил я. – Но я хоть кобуру буду к одежде крепить булавками, а то ведь каждый раз приходится карман из ткани пришивать под ПМ, а на это ну никакого времени не остаётся.

– Держи, – он протянул мне сначала кобуру, затем португезу.

– Спасибо! – от всей души сказал я.

– Не спеши, вот возьми, – и он сунул мне в руку четыре галеты и луковицу средней величины. – А вот теперь ступай, и завтра не опаздывай.

– Спасибо, Петрович, спасибо Вам огромное!

На обратном пути я заскочил в тренажёрный грот, суверенное государство двух курсантов – Славы Савилова и Серёжи Ходячих.

– Гарвий, мы тебя целый день ждём, – насупился Слава, – садись быстрее.

Значительно старше всех нас, он был небольшого роста, при котором обладал огромной головой.

– Серёжа, заряжай, – закричал он Ходячему и убежал наверх, по пути выключив освещение. Грот представлял собой не что иное, как малюсенький кинозал. Мне предстояло посмотреть небольшую программу, состоящую из нарезок самых разных фильмов и передач, кусочки которых были подобраны по одному принципу: на них были солнце, небо, листва, улицы, луга, – одним словом, поверхность.

Когда человек долгое время находится под землёй, тем более, живёт, при выходе наружу с ним случается некое подобие шока от резкого увеличения потока поступающей в мозг информации, потому как существенно расширяется палитра цветов, спектр звуков, изменяются другие параметры окружающей среды. Одним словом, человек просто разом лишается практически полной изоляции от физических воздействий внешнего, наземного мира.

Смягчить предстоящую мне завтра адаптацию и было целью этого показа.

Вернувшись в расположение, я отыскал дежурного по роте. Им оказался заместитель командира нашего взвода, сержант Андрей Харций.

– Пойдём, Андрюша, выдашь оружие.

– Что значит «пойдём, выдашь»? – сдвинул брови сержант. – Это же оружие! Когда ты уже станешь серьёзным!

– Ну, я имел в виду, наготовим. Ты же понял! Пошли, Андрей, время!

– Ну, пошли, – согласился он, поправляя красную повязку дежурного на рукаве. – А ты знаешь, что ты давно уже должен быть в постели, а?

– Знаю, знаю, – пробурчал я, – тем более, пошли быстрее.

– Дежурного по роте к телефону! – послышался крик дневального.

Мы подошли к телефону, Харций поднял трубку:

– Дежурный по первому курсу сержант Харций.

– Харций, Гарвий лёг? – в трубке наборника был легко различим голос Перегудова.

– Только что, товарищ, майор.

– Хорошо, как там всё?

– Как обычно, товарищ майор.

– По распорядку, Харций.

– Есть, – ответил тот, положил трубку и посмотрел на меня с укоризной.

Довольно быстро проверив оружие и зарядив обоймы, не забыв про противогаз, мы закончили приготовления на завтра и, положив всё на сейф, закрыли оружейный грот.

– Андрюша, разбудишь завтра без четверти четыре? Не забудешь, а?

– Не волнуйся, разбужу, – заверил меня Харций.

Я вернулся к своей кровати. Ильин всё так же читал, а Варнашкин с Сухом по-прежнему играли в шахматы.

– Ну, похоже, на сегодня всё. Ничего не забыл? – сам себя вслух спросил я и сам себе ответил: – Ничего. Наконец-то спать!

– А у батюшки был? – спросил Варнашкин.

– Нет, – ответил я, ещё не понимая, подначивают меня или нет.

– Зря, – сказал Вова Пузанов, решив, было, по моему появлению дуться, но не вытерпел и вступил в разговор.

– Володя, – повернулся я к нему, – ты хочешь сказать, что ты ходил к священнику перед своим выходом?

– Да. За благословением. А что тут такого? Или ты хочешь сказать, что это не так?

– Ты? – не поверил я.

– Да, я! А что здесь, ещё раз спрашиваю, такого фантастического?

– То, что ты ходил, я знаю, – повернулся я к Ильину, видя, что и он собирается что-то сказать.

– И, между прочим, – начал Андрей, – ты просто...

– Ну, раз так, – прервал я его, по интонации начатой тирады зная, что она надолго, – то тоже схожу... – и отправился в келью священнослужителя.

Хотя наткнуться на начальство было в это время маловероятно, но всё же надо было быть осторожным, хотя бы для того, чтобы не подвести Харция, совравшего ради того, чтобы меня не настигло наказание.

Священника в своей келье не было, но я нашёл его в маленькой церкви, в которую был переоборудован соседний с его жилищем грот. Стоя на коленях на известковом полу, батюшка Амвросий молился перед иконой Богородицы. Из свечей была зажжена всего одна; со стен сквозь сумрак смотрели лики других образов. Я вошёл, как мне казалось, очень тихо, но он всё равно почувствовал моё присутствие и обернулся.

Это был седой старец с огромными синими глазами, которые словно два глубоких чистых озера сияли на его лице своею кристальной чистотой. Всю свою жизнь замечал я, что такие глаза бывают только у тех, кто постоянно и подолгу молится, и никак иначе.

– Здравствуйте, батюшка.

– Здравствуй, дитя моё.

– Благословите меня на мой первый самостоятельный выход?

Клирик наложил край своих одежд и зашептал слова, которые я так и не смог разобрать. После благословения и того, когда я, как и положено, поцеловал его руку, он сказал:

– Ступай, дитя моё, тебе нужно как следует выспаться.

Попрощавшись, я уже, было, сделал несколько шагов к выходу, как вдруг неожиданно для себя обернулся и спросил:

– Батюшка, ведь мы никогда не победим?

Получилось как-то по-детски глупо и не к месту. Старец вздохнул и, пригласив меня жестом присесть на скамью, стоящую у стены, зажёл ещё несколько свечей, стоящих на паникадиле. Затем он присел возле меня и взглянул прямо в глаза. От этого словно тёплая волна летнего моря ласково окатила меня с головы до пят.

– Понимаете, – заговорил он, – есть такие битвы, в которых мы сами решаем, когда нам поставить точку, и пока мы сами её не поставим, нельзя будет признать нашего поражения. Россия много раз оказывалась на краю гибели. Казалась, что всё, потеряна и разрушена она, когда одолело её татаро-монгольское иго... Поляки чуть не захватили нас во время внутренних раздоров и смут... Французское, немецкое нашествие. Каждый раз всегда были моменты, иногда они тянулись не один год, когда казалось, что всё потеряно и проиграно, но каждый раз мы восставали из пепла подобно мифической птице Феникс. Кстати, думаете, двуглавый орёл был на гербе нашей...

– Но нас никогда не загоняли под пол, словно крыс! – перебил я.

– Да, никогда, но разве нет тут нашей вины? Когда обрушился на нашу с Вами Родину вооружённый до зубов фашистский монстр, многие говорили, что в этом была искупительная кара за предательство и поругание своих святынь, которые мы с таким легкомыслием отбросили в лихие революционные годы... то же и здесь. Вы молоды, но разве не помните Вы, как было всё незадолго до войны? – вздохнул он. – Не только Русь, весь мир в огне, но *только мы могли знать, и не сделали ничего*, чтобы спасти себя, других... напротив.

– Знаете, – продолжил он после паузы, – когда я был юн, я слышал историю об одном человеке. Это был, и по её мотивам тогда даже сняли фильм. До Второй мировой войны он работал в цирке, был известным акробатом. А потом ушёл воевать, потерял руку. После войны он не смог найти себя нигде, и вернулся обратно в цирк. Сначала он был простым уборщиком, но потом разработал номер и потратил годы на тренировки для того, чтобы вывести его на арену. Он делал стойку на перекладине, которую затем поднимали к куполу цирка, а потом опускали вниз. Всё это время он стоял на одной руке, на левой, представляете?

– Но однажды, – продолжил он, – во время зарубежных гастролей нам решили устроить пакость. К сожалению, я сейчас уже не помню, где это произошло, то ли в Будапеште, возможно, в Праге. Начиналось всё как обычно: акробат сделал стойку, его подняли под купол цирка. И тут был устроен саботаж – короткое замыкание. Более сорока минут он стоял на своей единственной руке на громадной высоте, в кромешной темноте. Пока не починили электропроводку, не включили свет и не смогло заработать оборудование, которое спустило его перекладину вниз на арену... у него тоже был выбор – стоять дальше или... но он выстоял и упал без чувств только тогда, когда до земли оставалось всего два метра... Как Вы думаете, не хотелось бы ему сдаться, а?

– Да уж... – только и мог ответить я.

– Вы знаете, Дмитрий, вот что. Мне ту недавно... впрочем, я не стану Вас задерживать более своими рассказами, – он живо поднялся со скамьи и направился к выходу. – Сделаем по-другому. Подождите меня, пожалуйста, минуту.

– Вот, – сказал он, протягивая мне образ, вернувшись действительно через минуту. Я взял маленькую икону, изображавшую Матерь Божью с младенцем. Площадью немногим более пачки сигарет, но гораздо тоньше, образ был напечатан, скорее всего, на принтере, и скотчем прикреплён к дощечке.

– Возьмите, она, конечно, самодельная, но освящённая.

– А...

– Это Ченстоховская Божия Матерь. Непобедимая победа. Именно с этим образом связывалось спасение Руси даже в те времена, когда это было ещё относительно несложно. Умеете молиться Богородице? – спросил он, ласково заглядывая в моё лицо. – Нет? Тогда повторяйте за мной: – Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобой; благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших...

На обратном пути я с удивлением осознал, что нервное состояние, которое владело мной вот уже несколько дней, постепенно усиливаясь, практически исчезло. Нет, чувства не притупились, но теперь я думал о предстоящем мне завтра выходе как-то более спокойно, что ли. Многие всю ночь перед первым самостоятельным выходом просто не могли ни нормально заснуть, ни нормально спать, постоянно ворочаясь, как это было с Андреем Ильиным. Я же уснул моментально, сразу после того как разделся и лёг в кровать.

Проснулся мгновенно, от жуткой боли – правую икру свела судорога. Настолько нестерпимой, что пришлось как можно быстрее сигануть на пол, – всем известно, что стоит наступить на сведённую ногу, как судорога исчезает.

– Ты чего? – спросил Ильин, когда я вернулся в свою постель.

– Судорога, – ответил я.

– А...

– А ты чего не спишь? Кстати, который час?

– Начало одиннадцатого... Отбой был всего минут десять назад.

– Слушай, Андрей, – вдруг вспомнил я, – а ты касторовым маслом берцы...

– Не волнуйся, натёр.

– Спасибо, камрад... кстати! – я вспомнил про Бурмистровскую луковицу и галеты. Пришлось снова лезть за ними вниз, чтобы достать их из карманов форм.

– Дима, ты уже достал туда-сюда лазить, – зашипел сосед снизу, Крючков, тихо беседовавший с Гамлетом. Его кровать была под кроватью Ильина, койка Карапетяна – под моей.

– Пардон, – тихо сказал я, забираясь обратно.

– Доставай свой перочинный, – сказал я своему товарищу. – Коробок с солью далеко?

– Сейчас, пять секунд, – оживился Андрей, мгновенно сообразив, что означают подобные приготовления.

– Кстати, а ты сигареты на возвращение приготовил?

– Давным-давно, – ответил я, – ещё месяца два назад выменял у Кривенко на подсвечник с поверхности.

– Что у тебя?

– Луковица и четыре галеты.

– Кого это ты так?

– Бура.

– А... вот старый пройдоха!

К этому времени Ильин разыскал в верхнем ящичке своей тумбочки перочинный ножик и соль в спичечном коробке. Похоже, мысль пришла в наши головы одновременно, и мы старательно сосредоточились, обдумывая её с разных сторон. Молчание нарушил Андрей:

– Ну, делиться будем?

– Будем, режь на четыре, – стоически сказал я, протягивая ему луковицу, и свесился с койки:

– Гамлет, Крючок, у нас лук и галеты!

Благодарные восклицания послышались снизу.

Когда с моим крохотным запасом провизии было покончено, я сказал:

– Если бы твой дурацкий Миф-Драннор существовал на самом деле, они хотя бы лук там растили, что ли!

Мой друг, умиротворённый угощением, спокойно возразил:

– Миф-Драннор существует.

– Ага. И кресты тоже существуют?

– И кресты, – также спокойно, стойко не поддаваясь на провокацию, ответил Ильин.

Мы возвратились, пожалуй, к самому длинному спору, который вели с самых первых дней нашего знакомства. Он касался реальности существования города, который был не только *под*, но и *на поверхности* кусочка территории бывшей России. Конечно, было покрыто мраком тайны, каким невероятным образом ему удавалось обманывать ЕОВ – Electronic Orbital Beholder¹ – глобальную спутниковую систему слежения, включающую в себя не только мириады спутников, беспрестанно наблюдавших за земным шаром в угоду своим хозяевам, но и мощную сеть суперкомпьютеров, также непрерывно обрабатывавших собранную спутниками информацию: визуальную, инфракрасную, электромагнитную. Это были всего лишь глаза ужасной системы. Были ещё и когти, готовые мгновенно карать, – ракеты.

Но сегодня спорить почему-то не хотелось. Конечно же, дело было совсем не в мифическом городе, именно в котором, по слухам, и был штаб командования всеми оставшимися вооружёнными силами России, это был спор о надежде. Ведь если существовал он, и нам всё-таки удалось обмануть всемогущую ЕОВ, значит, пусть маленькая, словно маковое зёрнышко, но есть надежда на то, что борьба и сопротивление не бессмысленны.

– О чём думаешь? – спросил я после паузы.

– О доме, – просто ответил Андрей, и, помолчав, добавил, – знаешь, раньше мы никогда не знали, вернее не задумывались над тем, что каждый день был разным! В один – шёл дождь,

¹ Электронный орбитальный наблюдатель (англ.).

в другой – моросил. Постоянно менялись погода, время года, температура, запахи. Здесь всегда всё одинаково... а там сейчас весна... Завтра, если повезёт, увидишь солнышко. Соскучился?

– Ага, – улыбнулся я.

– Слушай, – спросил я, оторвав глаза от света фонарей в окне, – а ты долго ждал своего связного?

– Я тебе миллион раз свой самостоятельный рассказывал, а ты всё мимо ушей! Минут семь... И вообще тебе сейчас не болтать, а спать надо!

– Андрюх, – ответил я, переворачиваясь на бок, – а ты помнишь ту индийскую порнуху?

– Какую?

– Ну, недели две назад смотрели. Помнишь, диск кто-то притащил со второго курса?

– Фи! – скривился Ильин. – Это было ужасно! Эти громадные сальные... Ты чего ржёшь?

– Да ничего! – безуспешно старался справиться с душившим меня смехом я. – Я просто знаю, почему тебе не понравилось.

– Ну и почему же?

– Просто они не пели. Ни до, ни во время, ни после.

– Спокойной ночи, – холодно прервал меня мой друг. – Ты хотя бы сегодня обошёлся без своих идиотских шуточек.

– Зато я гранаты во сне не ищу в чужих кроватях, – парировал я, на что мой товарищ обиженно засопел и повернулся ко мне спиной.

Кто-то во сне кашлянул; тут же его кашель подхватили несколько человек со всех сторон, тоже во сне.

Глава III

***в которой у главного героя, после того
как он выйдет на поверхность и сделает
по ней свои первые самостоятельные шаги,
ёкнет сердце, а по щекам скатятся слезы***

– Дима... Дима... Дима! Пора!

– Да, да, – спохватился я, с сожалением мысленно прощаясь с тёплой кроватью, – спасибо. Харций не уходил. Пришлось без промедления встать.

– Дима, про кантики только не забудь, хорошо? – напомнил он, уходя.

– Хорошо, – ответил я шёпотом, заправляя кровать.

Вокруг все спали. За окном, как обычно, освещая плацевой грот, светили фонари.

Когда с кроватью было покончено, я вышел, щурясь от яркого света в коридор. Возле тумбочки, облокотившись об неё, о чём-то тихо говорили Харций и дневальный. Часы на стене показывали без двадцати четыре. Пехота, таково было прозвище нашего заместителя командира взвода, как всегда был пунктуален.

В бытовке, преодолев вполне естественное отвращение, облачился в высушенную батареями гражданку, под самый низ надев так, чтобы не было видно, португепю с кобурой. Иконку, подаренную накануне священником, после нескольких секунд колебаний всё-таки решил взять с собой, положив её во внутренний карман куртки. Бриться, дабы не испортить создаваемый имидж, не следовало не только сейчас, но и несколько предстоящих выходов на поверхность дней. Но на то, чтобы вычистить зубы, я потратил ещё три минуты.

– Пошли, выдашь оружие, – сказал я Харцию, когда с одеванием было окончено.

После того как оружие было передано мне, быстро, не теряя понапрасну времени и стараясь не обращать внимания на дрожь в руках, я проверил, стоит ли ПМ на предохранителе, вставил в него обойму. Затем вложил пистолет и вторую обойму в кобуру. Проверил исправность компаса и двух фонарей, наличие контейнера-тубуса, надел на себя сумку с противогазом. Оглядел себя в старом зеркале в деревянной раме, висящем в коридоре.

– Настоящий голодранец, – похвалил меня дневальный, простодушный и добрый Вася Иванов. Его широкое лицо изображало подбадривающую улыбку. Вернулся Пехота, запиравший на замок оружейную комнату.

– Ну, с Богом, – сказал Вася.

– Да, и поосторожней там, без выкидонов, – дополнил его замкомвзвода.

– Пока, неудачники, – нарочито бодро попрощался я и, щёлкнув фонарём, вышел из расположения.

Контрольно-пропускной люк №2 находился рядом, на противоположной стороне плацевого грота, в конце небольшого штрека. Ровно в четыре я был на «пороге» КПЛа, то есть на месте, дальше которого ступать было можно только подземникам либо, как собирался я сейчас, в их компании. То есть тем (как правило, это были солдаты), кто ходил в наряды по охране контрольно-пропускных люков, – патрулям внешней Системы. Или тем, кто занимался снабжением Центра. Ещё были, как Петрович, подземные оперативные проводники. Все они знали, что территория штрека в непосредственной близости до и после КПЛ представляет собой комплекс ловушек. Кроме мин, были и другие, гораздо более необычные и изощренные. Перечисленные мной выше, конечно же, знали, как их обойти.

Бурмистров был уже на месте. Сидя на корточках, он курил.

– Доброе утро, двоечник! – поприветствовал он меня.

- Доброе утро, Петрович, – ответил я.
- Давай сюда физиономию, – сказал он, доставая из кармана чёрную повязку.
- Первое правило? – спросил он, тщательно завязывая мне глаза.
- Ни единого движения без Вашей команды.
- Второе?
- Если что-то непонятно, лучше замереть и переспросить.
- Молодец, давай...

Повинуясь командам Бурмистрова, я преодолел расстояние до КПЛ. Не снимая повязки, поздоровался за руки с нарядом по КПЛ.

– Ну что там? – спросил Анатолий Петрович акустика, в обязанности которого входило «прослушивать» близлежащий сектор Системы.

– Слышу, наш патруль работает где-то в районе Данугарочника, а так пока... тихо... – ответил тот.

- Счастливо, ребята, – сказал Бурмистров.
- Давайте, – добавил я.
- Ждём вас, лёгкого возвращения, – пожелали нам, закрывая за нами громадный стальной люк.

Наше путешествие начиналось с преодоления опасной зоны ловушек. Сначала с внутренней стороны, затем было слышно, как лязгает сталь отпираемого перед нами люка, потом, по времени это всегда самый долгий участок, преодоление опасных метров внешней Системы. Начало, таким образом, было положено. После того как мы преодолели зону ловушек, Бур решил сделать паузу для перекура. Я услышал звук отвинчивающейся крышки фляги.

– Не предлагаю, – сказал Бур и после короткой булькающей паузы добавил: – Вперёд, и с Богом.

Мы шли прицепом: на меня была накинута верёвка таким образом, что я был ведом Анатолием Петровичем, словно телега лошадь. Сквозь мрак повязки не было видно абсолютно ничего.

Так, очень быстрым, интенсивным шагом, мы приближались к точке выброса. Иногда следовала команда «пригнуться». Попадались и шкурники, для преодоления которых повязка снималась с моих глаз в том случае, если они были достаточно сложны.

После того как нами была преодолена часть системы, по щиколотку залитая водой, я понял, что мы близки к месту назначения нашего общего пути. Сердце забилось чаще, а по конечностям разлилось чувство предвкушения неведомого.

- Всё, пришли, – проговорил Бурмистров, снимая с моей головы повязку.

Мы стояли посередине штрека, довольно высокого для того, чтобы было возможно стоять, не согнувшись.

– На двенадцать минут раньше срока, – он осветил коногоном своё запястье. – Что там тебе сочинили?

- В смысле? – не сразу сообразил я.
- Задание. Найти тайник, разведать объект?
- Встреча со связным.
- Курсант другого учебного центра?
- Да.

– Тоже неплохо. Ну, Дима, давай, – и Бур театрально, так как умел только он, махнул рукой по направлению штрека, к которому мы стояли лицом. – Вот тебе и 18-я. Сейчас пройдёшь метров 600, штрек нигде не разветвляется, заблудиться невозможно... Выход узкий, окажешься в подвале, словом, увидишь. Будь осмотрителен... не забудь потом замаскировать, ну, как обычно... давай свет и противогаз...

- До встречи, Анатолий Петрович!

– До встречи... – ответил он, зажигая свечу. – Ну, на первой ты же знаешь, что почём... Ежели что, я буду тебя ждать сутки, а дальше... ну ты всё знаешь, давай, – он протянул мне свечу с коробком спичек и забрал мой «Феникс» с противоголозом. Затем кашлянул, обернулся и зашагал в противоположную сторону.

По инструкции, подземному оперативнику не следовало подходить близко к точке выброса – так существенно сокращалась вероятность его захвата врагом. Источник света же, даже самый простой, был очень серьёзной уликой, и всегда оставлялся, как и противоголоз, проводнику. Конечно, со свечой было не так удобно, особенно на выходе, где почти всегда было узко и, как правило, сквозняк, от которого она гасла, зато её не жаль было выкинуть сразу же, очутившись на поверхности. Методика встречи наземника и подземника в точке входа была сложнее и позволяла первому заброситься без света, а второму обезопасить себя от его возможного предательского хвоста. Так уж эти наши точки были оборудованы.

Когда идёшь под землей по длинному узкому коридору, постепенно начинает казаться, что пространство как будто сопротивляется тебе, отвечая на каждый твой шаг каким-то нарастающим противным липким беспокойством. Конечно, так бывает не со всеми, и, наверное, я всего лишь чересчур впечатлителен. Но сейчас ход закончился, не успев произвести подобной реакции; сам же лаз оказался не таким узким, как я думал. Выход, словно рождение человека, предполагал время, так как никто не мог дать гарантии, что на той стороне нет собак, готовых от голода на всё, или саксов с наведёнными дулами винтовок.

Тихо, сантиметр за сантиметром, я преодолевал пограничное пространство, вслушиваясь в окружающий мир. Но вокруг было тихо и спокойно. Свеча потухла, и постепенно привыкнув к темноте, я почувствовал, что вокруг уже нет *абсолютного мрака*, присущего миру Подземья. Лаз заканчивался тупичком, на ощупь – каким-то полуистлевшим матрацем, которым просто-напросто заткнули дыру для того, чтобы замаскировать.

Как следует прислушавшись в крайний раз, я освободил выход, наконец-то вылез и очутился в какой-то подвальной комнатухе. Скорее всего, маленького бомбоубежища, возможно, учебного объекта гражданской обороны. Тщательно вслушивался ещё и ещё. Привыкнув к сумраку, первым делом закопал в углу свечу, затем предусмотрительно спрятал в каком-то ящичке недалеко от дыры спички, потом заткнул матрацем лаз, из которого выбрался, набросив сверху какое-то ужасное заплесневелое одеяло. Теперь для того, чтобы найти дыру, было необходимо о ней знать.

Как показалось мне, так провозился я достаточно долгое время. Легенда о моём происхождении не предусматривала обладание часами, поэтому приходилось полагаться на внутреннее ощущение времени, которое подсказывало мне, что следует поторопиться.

Я легонько приоткрыл дверь в соседнюю комнату, осторожно заглянул и тут же, оторопев, чуть не закричал от нахлынувших чувств. Из этой комнаты был восходящий коридор с лестницей на поверхность, двери не было. Именно поэтому всё помещение было освещено розовым светом восходящего или только что взошедшего солнца. Как ни боязно, волнительно и тревожно было мне, всё же заулыбался я этому буйству розовых оттенков вокруг, присаживаясь на корточки, чтобы потратить несколько минут на адаптацию к поверхности.

Через пятнадцать минут я уже вполне овладел своими чувствами. Недаром некоторые сравнивают выброс с рождением, хотя мне такая аналогия кажется слишком надуманной, – ведь никто не помнит, что чувствовал, когда рождался; гораздо лучше это сравнивать с ощущениями первых мгновений первого прыжка с парашютом – мозг также теряет привычные ориентиры, и всё сперва несётся перед глазами на манер калейдоскопа.

Моя догадка о бомбоубежище гражданской обороны подтвердилось обилием старых выцветших стендов во второй комнате. Все они были посвящены защите от поражающих факторов ядерного оружия, а на одном из них даже рассматривался допотопный дозиметр ДП-5В. Содержание наглядных пособий вызывало усмешку. Сотни, даже тысячи пророчеств, предпо-

ложений и домыслов; книг, фильмов и компьютерных игр, – всё мимо. Третья мировая война началась и завершилась, если не брать в расчёт партизанское сопротивление, практически без единого, даже самого скромного, ядерного взрыва.

Я подтянул штаны и начал аккуратно подниматься по лестнице, стараясь не жмуриться. Начинался новый ясный весенний день. Как можно аккуратнее осмотрел местность вокруг, обнаружив полное отсутствие в пределах видимости каких-либо живых существ. Понимая, что медлить нет причин и надо быстрее отойти от точки, я начал своё движение, старательно не покидая тени росших над восемнадцатой громадных сосен, которые узенькой рощицей доходили до заброшенного неподалёку хуторка состоящего всего из нескольких домов. Конечно, в пределах Москвы, а я находился на одной из её окраин, из-за обилия босоножек электронный глаз Глобальной спутниковой системы наблюдения предпочитал ничего не видеть, точнее, видеть, но не реагировать. Но всё же стоило стараться изо всех сил, не демаскировать точку. Миновав хуторок, можно будет не бояться чистого неба.

Земля парила дымкой, а в небе кружили птицы. Я дошёл до начала хутора. Он был совсем мал – в одну коротенькую улочку, слева три дома, справа четыре. Почти все они не сохранили своих крыш, некоторые – не всех стен. Раздумывая, пройти ли по тому, что было улочкой когда-то, или обойти брошенное селение задворками, я на секунду замер, прислушиваясь. Было тихо, безмятежно тихо, и я решил идти по центру. По пути мне попала цистерна на автомобильном прицепе, с потрескавшимися, облезлыми колёсами, а на другом конце посёлка – ржавый автобус, брошенный сбоку от дороги.

Я шёл тихо, быстро и сосредоточенно озираясь по сторонам. Конечно, патруль саксов не станет сидеть на каком-нибудь чердаке полуразвалившемся дома, ожидая сам не зная чего. Однако встреча с бродягой в своём самом худшем варианте тоже представляла немалую опасность. Дальше я двинулся на пригорок, ожидая, что это не что иное, как насыпь шоссе, которое мне нужно было отыскать для ориентира. Так и оказалось. Правда, асфальт был сильно разрушен, однако его было достаточно, чтобы с полной уверенностью сказать, что это была та дорога, которую я и искал.

Идти по ней не следовало, так она неплохо просматривалось со всех сторон, гораздо лучше было продвигаться немного поодаль, используя бывшую автостраду как ориентир. Постепенно, с каждым шагом чувство, будто я шагаю по тонкому льду, ослабевало, я как бы стал частью окружающего мира, впитывая каждый его запах, каждый порыв ветерка и стараясь расслышать каждый, даже самый незначительный, его звук. Буйство весны царило вокруг. Бабочки, жуки и прочая мошкара деловито торопилась по своим маленьким делам. Набухали и распускались почки, росла свежая ярко-зелёная трава. А в одном месте я увидел даже несколько распутившихся одуванчиков. Они насквозь тронули меня своим ярко-жёлтым цветом. За последнее время я привык только к оттенкам серого цвета, так свойственного катакомбам. Примерно то же самое происходит со вкусом человека, которому долгое время не приходилось нормально питаться: обыкновенные продукты кажутся ему неестественно сладкими и чересчур вкусными.

Всё это в лучах торопившегося взойти солнца скрашивало впечатление от мерзости запустения, царившей вокруг, – я имею в виду, то, что осталось от когда-то жилых домов, наполненных прежде людской речью, криками, смехом. От дорог, ныне разрушенных травой, водой и морозами; от самых разных строений и объектов, превратившихся в техногенных мертвецов и постепенно истлевающих – кирпич за кирпичом. Всё это, называющееся когда-то ёмким словосочетанием – инфраструктура цивилизации, – было брошено, как и вся Москва, поделённая оккупантами на семь секторов. Местная администрация Альянса, обосновавшаяся в Московском Кремле, комендатуры, рассыпанные по городу. Бродяги, получившие прозвище босоножек, и обслуживающее Альянс население, прозванное мартышками за электронные ошейники, с помощью которых они подвергались со стороны хозяев неусыпному контролю – вот

и всё, если говорить в отношении людей, что осталось от когда-то дышавшего жизнью, суетой и динамикой громадного мегаполиса. Плюс целое безбрежное море брошенных улиц, покрытых мусором, и таких же сирот-зданий, не видящих своими слепыми окнами-глазами никого, кроме бродяг, патрулей и мародёров.

К этому времени погода стала портиться, небо постепенно затягивало тёмными облаками. Я ещё больше удалился от шоссе, по ряду ориентиров поняв, что моя первая, конечно же, условная, контрольная точка скоро появится в пределах видимости. Это был мост железнодорожного полотна через овраг. Саму железную дорогу мне предстояло пересечь, однако просто взобраться на высоченную насыпь и таким образом перейти её не следовало, потому как она превосходно просматривалась по обе стороны на несколько километров. Лучше это было сделать на глубине оврага, под мостом, или в туннеле под насыпью, который должен был располагаться рядом с мостом и повстречаться мне раньше, чем овраг.

Вскоре я увидел проржавевшую вагонетку без колёс, использовавшуюся когда-то раньше в качестве жилого помещения, скорее всего, строителями. Рядом с ней лежало несколько бетонных свай, наваленных друг на друга. Всё это говорило о том, что я на правильном пути. Чтобы не оставлять за своей спиной неприятную в данном случае неизвестность, я заглянул в вагонетку, но внутри, кроме нескольких пустых ящиков, покрытых пылью и ржавчиной, не было ничего. Двинулся дальше, то поднимаясь, то опускаясь по холмистой местности и внимательно озираясь вокруг, потому что количество кустов и деревьев вокруг уменьшилось и позволило просматривать местность на приличное расстояние.

«Всё-таки ничего страшного, почти то же, что и с инструктором, только надо привыкнуть к мысли, что его нет, – подумалось мне. – Теперь я не послушный юнга, а сам себе капитан», – однако эта мысль почему-то вызвала только вздох сожаления. К этому времени я увидел следующий ориентир – несколько построек из белого кирпича, скорее всего, бывших когда-то или складом, или элеватором. Это указывало на то, что было необходимо забираться влево к уже неплохо просматривающейся насыпи полотна и искать входа в туннель, – я решил идти именно им.

Едва сделав несколько шагов, я увидел начало туннеля. У его входа вращался в землю ЗИЛ, от которого мало что осталось, настолько он проржавел. Взглянув вверх, я понял, что этому способствовало то, что во время дождя на него с насыпи стекала вода. Почему-то как-то зануло, ёкнуло сердце, а установившееся было спокойное настроение ушло так быстро, как будто его не было и вовсе. Я остановился, вслушиваясь. Было тихо, разве что гораздо сильнее стал ветер, собиравший, похоже, тучи для хорошего дождя. Ещё раз оглядевшись, стараясь ступать как можно тише, я вошёл внутрь.

Было спокойно, на несколько мгновений я замер для того, чтобы привыкнуть к полумраку. Туннель изгибался, беря вправо, таким образом, я видел лишь узкую полоску света на другом конце. Он был пуст, и только в середине виднелись куски каких-то труб, пара железнодорожных контейнеров, обломки железобетонной арматуры. Я начал медленно двигаться вперёд. Дошёл до половины прохода. Вокруг по-прежнему царил тишина, изредка нарушаемая обыденными звуками извне, которые едва достигали моих ушей. Так я прошёл мимо массивного куска трубы. И только тогда, когда он закончился, *увидел*. Сначала молнией пронеслась неясная тень предположения, пойманная боковым зрением. Впечатление от прямого взгляда напоминало гром.

В первое мгновение я вздрогнул, правая рука сама устремилась к кобуре, но тут же, замедлив свой бег, повисла: было незачем. Между трубой и контейнером, к кускам железных прутьев арматуры был привязан истерзанный труп, практически весь покрытый засохшей кровью. Сначала мне стало немного дурно, в горле сам собой возник комок, а руки заходили ходуном. Но, овладев собой, я сделал несколько шагов к телу.

– Господи, – вырвалось у меня, когда все детали предстали передо мной в ужасающей, нагой достоверности. И не в силах более быть внутри, слёзы потекли у меня по щекам. – Родненькая моя! – обратился я к замученной девушке. Ноги и левая рука были привязаны какой-то замызганной верёвкой, найденной, видимо, поблизости, но правая рука была зафиксирована форменным ремнём Альянса, выдававшим виновников этой чудовищной жестокости. Всё это было сделано так, чтобы было удобнее насиловать.

Судя по всему, давность происшедшего здесь не превышала суток. Труп был наг, и, несмотря на то, что почти весь был залит кровью из глазницы выколотого левого глаза, всё равно было хорошо видно, даже в полумраке, что девушка или девочка была очень красива. По большому счёту, теперь трудно сказать, но так решил мой разум, которому из-за большого количества впечатлений было простительно ошибаться. Или, что гораздо больше соответствует действительности, мне просто хотелось так считать.

Второй, уцелевший, глаз был полон вящего ужаса, и я просто не смог смотреть в него более пары мгновений. Кулаки мои сжались, и весь наполнился я каким-то тупым бешенством, когда разглядел последнюю деталь: прямо из женского естества у жертвы торчала пустая бутылка из-под виски.

– Я отомщу за тебя, – сказал я тихо. – Очень сильно постараюсь отомстить, за то, что тебе пришлось пережить...

Нужно было двигаться дальше, и мне оставалось только несколько минут на то, что я собирался сделать.

– Потерпи ещё капельку, родная, – вздохнул я, и решительно, не мешкая и стараясь не слушать противный, хлопающий звук, вытащил из девушки бутылку, а затем легонько, стараясь не на шуметь, отбросил её в сторону. Потом отвязал поочерёдно все конечности, уговаривая себя не нервничать из-за того, что верёвки долгое время не хотели поддаваться. Тыльной стороной указательного пальца закрыл глаз умершей и, прикоснувшись ладонью ко лбу, шёпотом прочёл молитву, которой меня вчера научил священник.

– Я не могу похоронить тебя, – тихо обратился я к убитой девушке, – для этого у меня нет ни инструментов, ни времени. Пожалуйста, прости меня. Не знаю ни твоего имени, ни того, как ты попала сюда, откуда. Покойся с миром.

Мои поиски вокруг вскоре дали неожиданно успешный результат – нашёл грязную полустлевающую холстину, которой и накрыл тело.

– Прощай, – напоследок сказал я и покинул туннель.

Глава IV

в которой необходимо бежать и стрелять для того, чтобы попытка спастись увенчалась успехом; пару раз придётся заглянуть под капюшон балахона смерти, а в конце несколько неосторожных, но откровенных взглядов спасут главному герою жизнь и подарят ему то, что делает её прекрасной

Происшедшее отложило отпечаток, и я почему-то уже не так боялся, как каких-то двадцать минут назад. Равнодушно осмотрел ферму – следующую контрольную точку, насквозь пройдя её три блока, так как было бы неправильным оставлять за спиной неисследованные здания, из окна которых вполне мог показаться ствол, неважно, винтовки или обреза, а обойти её было неудобно и долго, и двинулся дальше вдоль холмов.

Небо заволокло практически полностью. Я же, миновав поваленный тополь, шёл небольшой рощицей сосен и елей. На этом отрезке практически не было ориентиров, именно здесь было проще всего сбиться, и я старался не думать ни о чём, кроме пути. Однажды обернувшись, я заметил сзади наискосок движение, перпендикулярное тому направлению, которым следовал сам, когда вышел из туннеля. В мгновение ока залёг под кустом, несколько минут я потратил на то, чтобы удостовериться в том, что сгорбленная фигура вдалеке – одинокий бродяга, так же боявшийся каждого звука вокруг. Убедившись в том, что с его стороны нет опасности, я, сверившись с компасом, продолжил своё движение.

Когда я был в точности уверен в том, что всё-таки заблудился, и уже собирался поворачивать назад, чтобы, отыскав выход из туннеля, несмотря на возможную встречу с босоножкой, начать этот этап пути заново, я вышел на очередную КТ – проходную. Как и всё вокруг, она была брошена. Было возможным её обойти, сделав круг из-за примыкающего с обеих сторон высокого забора, но так было проще сбиться с дороги, и я решил пройти прямо сквозь неё.

У ворот был брошен КАМАЗ. Замерев и привычно прислушавшись, я прошёл ворота. Вошёл внутрь проходной. Обшарпанные стены, покрашенные до уровня плеч зелёной краской, свет, падающий в окна, не имеющие ни рам, ни стёкол. Пара разбитых стульев, стол и пустота. Вспомнив про Колину просьбу, я решил порыться в столе. На мысль натолкнул невероятно запылённый, но всё же целый гранёный стакан на подоконнике. На его доньшке сохранилась высохшая чёрная плёнка – скорее всего от кофе или чая. А там, где есть чай и стакан, почему бы не быть и алюминиевой чайной ложке? В первом и втором ящиках были пожелтевшие от времени инструкции и какие-то бумаги, однако в третьем мне действительно удалось найти алюминиевую ложку, причём не чайную, а столовую, и – о чудо! – немногим меньше половины пачки сахара-рафинада. Это было настоящей удачей, странно, как босоножки до сих пор не нашли его, размышляя я, распахивая драгоценные белые кусочки по карманам. Затем, не вытерпев, аккуратно взял один из них и, закинув себе в рот, широко улыбнулся успевшему позабыться вкусу – вот же удивится и позавидует Ильин!

После проходной было ещё несколько таких же старых, как и те, которые уже повстречались на пути, автомобилей. После них я вышел на территорию, которую мы уже когда-то проходили с Алексеем Дмитриевичем около трёх месяцев назад. Сразу стало спокойнее, по крайней мере, не надо было тратить внимание на то, чтобы не заблудиться. Здесь я уже шёл по шоссе, так как слева от чужих взглядов меня скрывали нагромождение мусора свалки, а справа – естественные холмы.

– Ага, бульдозер... ПАЗ, перегородивший дорогу... остановка, – разговаривал я сам с собою, радуясь, что не в пример предыдущей, местность просто изобиловала ориентирами. – А вот и ангар, заберём-ка, Дима, вправо, чтобы обойти его на безопасном расстоянии, – говорил я себе, быстро шагая, почти перейдя на бег. Несмотря на богатство естественных меток, прятаться да и бежать было негде и некуда. Такие пространства обычно, как тогда с Гнездивиловым, так и сейчас, стремишься преодолеть как можно быстрее. Шаг за шагом, метр за метром я миновал ангар слева, полуразрушенную трёхэтажную бетонную конструкцию справа и прошёл под трубами трубопровода. То есть, знакомая местность закончилась.

До места встречи оставалось совсем чуть-чуть. Цель моего задания состояла в том, чтобы, встретившись с так называемым связным, то есть попросту с курсантом другого учебного центра в условленном месте, и, опознав друг друга с помощью паролей, обменяться с ним маленькими по размеру контейнерами с информацией. Потом, по возвращении, полученный тубус передать инструктору, что засчитывалось как успешное выполнение первого самостоятельного учебного наземного выхода. Содержимое наших контейнеров, конечно же, не представляло никакой практической пользы, кроме той, которая фиксировала успешное выполнение учебной задачи. Естественно, и теория и практика настоятельно рекомендовала избавиться от своей маленькой посылочки сразу, как только возникала хотя бы малейшая опасность быть пойманным Альянсом.

Через несколько минут начали виднеться здания заброшенного завода, на территории одного из ангаров которого мне предстояла встреча с моим связным. Быстрыми шагами я приближался к цели своего путешествия. Прошёл высохший ручей по мостику из железных военных балок защитного цвета. Прошагал мимо скелета, висящего на дереве и служащего ориентиром. «Наконец-то», – пронеслось в моей голове, когда я увидел среди других ангар, бывший местом встречи, про себя вспоминая слово и цифры пароля. Вошёл на территорию пустынного предприятия, на пути до ангара не встретил ничего интересного, замешкавшись перед входом. Нет, это именно та постройка, которая мне и нужна. Рисунок рожицы в военном берете, со скрещенными винтовками под ней красовался на том месте, на котором и должен быть. В процессе подготовки мне приходилось неоднократно рисовать и план заброшенного объекта, и сам рисунок.

Отдышался, прислушался и вошёл внутрь. Всегда считал, что лишён интуиции. Но почему-то, сделав пару шагов, ощутил что-то, что очень трудно описать, но легко сравнить – это ощущение было похожим на то, которое я испытал, когда вошёл в туннель. Решительно мотнув головой, я прогнал тревожные мысли прочь. Обострённая событиями последних часов психика генерирует беспочвенные страхи. Это нормально, как говорили нам на наших занятиях.

Когда-то это помещение было крупным цехом, где что-то либо собирали, либо ремонтировали – на это указывали громадные размеры самого здания, обилие лестниц и дополнительных навесных железно-арматурных этажей, громоздкие полуразрушенные станки вокруг. Я осмотрелся. Связной сидел на полу, опираясь спиной об один из многочисленных бетонных столбов, и никак не реагировал. Почувствовав неладное, стараясь преодолеть страх, я подошёл к нему. Остановился только тогда, когда до предполагаемого курсанта другого учебного центра оставалось всего несколько шагов. Никой реакции.

– Эй, – тихонько окликнул я его и наклонился над ним. Тот же результат. Приблизившись ещё ближе и заглянув в лицо, тут же понял причину молчания. Залитый кровью свитер и стеклянный взгляд не оставляли сомнения: связной был мёртв. Всё же я решил удостовериться и коснулся уже начавшей остывать руки, для того чтобы прощупать пульс – конечно же, его не было, потому что и не могло быть. Всё это отняло у меня немного времени, но тут, осознав, что находиться на этом месте невероятно опасно, я, сидевший на корточках, быстро

выпрямился. Это и спасло мою жизнь: пуля пролетела мимо, на мгновение слившись своей траекторией с местом, где всего лишь мгновение назад была моя голова.

– Come here! One more!² – донеслось до меня сверху. Позже, анализируя эту ситуацию, я так и не смогу понять, как за ничтожные доли мгновения мне удалось принять единственно правильное решение. Вход, которым я воспользовался для того, чтобы войти, отлично простреливался оттуда, откуда был первый выстрел. И я для того, чтобы сбежать, кинулся навстречу окну. Было слышно, как разворачивается, гроыхая ботинками по железу, где-то сверху стрелок, но меня спасло солнце, выглянувшее из-за туч как раз в то время, когда я пытался измерить пульс своему погибшему соратнику. Конечно, так думаю я, что именно оно помешало как следует прицелиться саксу во второй раз. Это объяснение логично и более чем вероятно, хотя возможно, что мне просто повезло.

Сердце моё давно уже колотилось бешеным темпом в груди, виски ныли от его ударов. Я бежал так, насколько хватало всех моих сил, даже больше, слыша отовсюду хлопки выстрелов, противный свист пуль слева, справа, над своей головой, а ещё крики и восклицания на проклятом чужом языке оккупантов. Давно уже был в руках моих пистолет. Приходилось периодически останавливаться, для того чтобы выстрелить в одно из серых пятен, неумолимо преследовавших меня. Я пробежал ещё несколько ангаров, потом, взобравшись по железной лесенке на крышу примыкающего здания, заменил у пистолета обойму. Спрятал старую в боковой карман и спустился по такой же лесенке, но уже у другого ангара, для того чтобы продолжить бег. Постепенно я обессилел, а попытавшись сделать очередной выстрел, понял, что у меня закончились патроны.

– Богородице Дево... – зашептал я молитву батюшки, прислушиваясь к топоту, настигавшему меня. Хотелось сплюнуть целый комок противной липкой слюны, скопившейся у меня во рту, но даже на этом сэкономил я своё время и силы.

За очередным поворотом мне повезло: я увидел открытый люк. Учитывая, что обыкновенные саксы панически боятся любой формы подземного мира, у меня появился шанс уйти, если, конечно, это был не кабельный коллектор, который частенько оканчивался тупиком через пару комнатушек. Я уже сидел возле края люка, как вдруг осознал, что обронил свой ПМ, который затолкал в карман куртки сразу после того, как у меня закончились патроны. Я бы и не обнаружил своей потери, если бы не обернувшись проверить, не увидит ли кто моего исчезновения, просто не заметил свой пистолет лежащим всего в пяти-семи шагах от меня. Времени было в обрез, но возвратиться не только с проваленным заданием, но и без оружия... Иногда вопрос жизни и смерти решает всего лишь мгновение, и, замешкавшись, я его потерял. Для сакса, успевшего именно за это мгновение выбежать из-за угла, увидеть меня, сидящего на асфальте возле люка, было тоже неожиданным. Он резко затормозил, вскинул своё оружие и, прицелившись в меня из своего пистолета, замер.

Даже в самом раннем детстве я всегда смотрел, а не отворачивался или зажмуривался, как советовали, когда у меня из пальца или вены брали кровь. Так и сейчас, понимая, что через секунду-другую, скорее всего, последует выстрел и смерть, не стал зажмуривать глаза, а посмотрел на свою будущую убийцу. Это была девушка. Разгорячённая погоней, она стояла, держа меня на мушке. Почему-то я всегда верил в то, что перед смертью перед глазами проносится вся жизнь человека, и всегда утешал себя тем, что хоть напоследок увижу своих родных и родной дом. Но не было ничего. Страх почему-то – тоже, наоборот, какая-то странная, сюрреалистическая ясность с беспристрастной точностью статиста шепчущая: «Ну, вот и всё».

Я, облизнув пересохшие губы, отметил, что передо мной стоит ослепительная красавица. Вряд ли она была чистой негрятёнкой, скорее мулаткой, обладавшей коричневой кожей самого

² – Сюда! Ещё один! (англ.)

соблазнительного оттенка и идеальной фигурой, сочетающей в себе хрупкую женственность и здоровую обольстительную притягательность.

«Как же я тебя всё-таки...» – помимо воли пронеслось в голове, и я поймал себя на том, что смотрю на её туго обтянутый форменными штанами бугорок Венеры.

– Шестнадцать, – вдруг задорно, на русском, с едва заметным акцентом произнесла она и легонько пнула ботинком мой пистолет так, что он очутился возле моей правой руки. Только теперь я осмелился посмотреть ей в глаза. Раньше я предпочитал голубые или зелёные. Эти же были словно янтарь, сквозь который смотрят на солнце, – коричневые с каким-то тёплым золотистым оттенком. Уголки губ едва заметно изгибались в улыбку, так что было не ясно, началась ли она или вот-вот грядёт. Глаза же задорно смеялись. Не то чтобы с глубоким стыдом, не до него, но всё же мне пришлось осознать, что она, конечно же, поняла, куда я смотрел.

– What Else, Lianna?³ – вдруг донеслось издали сбоку.

– Clear!⁴ – прокричала она в сторону и, опустив пистолет, уже по-другому, серьёзно посмотрела на меня и, кивнув на люк, сказала:

– Уходи.

Вдруг прозвучал выстрел, пуля, как показалось, прошла немногим выше моей головы; стреляли из здания на противоположной стороне улицы. Последнее, что я увидел, после того как, схватив свой пистолет, прыгнул в люк, это узенькую полоску красивой поясницы пощадившей меня патрульной. Она была украшенной белым узором татуировки, такой, что если увидишь хотя бы один раз, не перепутаешь потом уже ни с чем.

Если бы в коллекторе, куда упал я, была, как, наверное, всегда раньше, вода, мне было бы совсем не больно. Но я упал на ил, который в принципе тоже неплохо амортизировал моё приземление. Одно было хорошо – тупиком и не пахло. Не выпуская из рук пистолета, чтобы не потерять его ещё раз, я устремился в направлении, выбранном интуитивно за одно мгновение. Рука автоматически залезла в левый карман в поисках запасного фонарика, хотя было ясно, что быть его там не может. Но он там был и весьма своевременно, так как к этому времени я бежал уже в кромешной темноте. Включил фонарик, своим жидким светом он делал вероятность столкновения с каким-нибудь препятствием, конечно, весомо меньше, хотя освещал, по правде говоря, совсем немного.

Это было серьёзнейшей ошибкой: я передал Бурмистрову только основной фонарь, забыв о запасном. Конечно, она была общей, но сейчас мне некогда было об этом думать. Я бежал, не останавливаясь и не прислушиваясь, преодолевая пространство с такой скоростью, которой ни при каких других обстоятельствах ранее не ожидал от себя. Иногда коллектор раздваивался, я выбирал один из туннелей, радуясь, что это собьёт с толку возможных преследователей. Спустя некоторое время он сменил свою текстуру с кирпичной кладки на серый бетон, потом ещё через несколько минут под ногами появилась вода, сначала совсем крохотный ручеёк, потом всё больше и больше, это было хорошо, она должна была поглотить мои следы, если бы меня вздумали вдруг искать с собаками.

Вокруг меня со скоростью моего бега неслись стены. Больше всего я боялся, в конце концов, встретить тупик, который заставил бы меня возвратиться обратно как минимум к предыдущей развилке, но его, к счастью, не было. Спустя промежутки времени коллектор то менял свои прямоугольные бетонные стены на дугообразный кирпичный свод, то возвращался к своему первоначальному облику; время от времени попадались ржавые железные лестницы, ведущие вверх, мне же было с ними не по пути, так как я стремился вниз. Из всех сил стараясь не сбить дыхание, я бежал, следуя за водой, интуитивно чувствуя, что так будет лучше. Именно чувствуя, потому что даже на простое рассуждение не хватало сил у моего воспалённого бур-

³ – Ну что там, Лианна? (англ.)

⁴ – Чисто! (англ.)

ными событиями утра ума. Позже, вспоминая этот эпизод, мне будет очевидна логика подобного выбора. Возможно, подсознательно я достиг простейшего вывода, в то время как сознание дало сбой. Следуя течению воды, меньше вероятности встретить преграду.

Всё больше и больше стало попадаться боковых ходов. Они были разными: одни по уровню выше, чем основной ход, другие ниже, и пришлось бы спрыгивать на довольно приличное расстояние вниз, если бы я решил ими воспользоваться. Некоторые примыкали к коллектору под прямым углом, но таких было немного, больше всего под острым углом, если отсчитывать от направления моего пути, то есть, я как бы двигался по стволу дерева по направлению от его корня к ветвям. Хотя изредка попадались примыкания и под тупым углом, но их было гораздо меньше.

Иногда коллектор то изгибался, то резко уменьшался в размерах, и приходилось нагибаться, но ненадолго, потому как потом всё снова возвращалось к своим прежним немаленьким размерам, поочерёдно меняя свои современные бетонные одежды на старинную округлую кладку из красного глиняного кирпича, и обратно. Только одно было неизменным – то, что постепенно, но неумолимо, он всё время шёл хоть и под небольшим углом, но вниз, понемногу спуская меня всё глубже и глубже; это было мне на руку.

Я бежал даже тогда, когда понял, что давно оторвался от погони и никто не догоняет меня, и только, было, собрался остановиться, видя, как коллектор резко уходит вниз, для того чтобы прислушаться и обдумать ситуацию в том смысле, стоит ли вообще двигаться в прежнем направлении, но поскользнулся и упал на то место, которое в прежние времена действительно было мягким. Сначала, держа одной рукой фонарик, а другой пистолет, я думал, что моё движение прекратится само собой, но угол наклона всё рос и рос вместе с глубиной и силой потока. Осознав, что больше не контролирую ситуацию и с нарастающей скоростью скольжу по покрытому слизью руслу, я сделал отчаянную попытку встать, предварительно закинув пистолет за пазуху, но ударился о слишком поздно замеченную железную балку и потерял сознание.

Глава V

в которой главному герою предстоит не один раз усомниться в реальности происходящего и убедиться на собственном опыте, что все радости нашей земной жизни могут растаять с такой же лёгкостью, с какой растворяется сахар в воде

– Сколько пальцев на моей руке? – наклонился надо мной незнакомец, одетый в нашу полевую форму.

У него было добродушное лицо, которое украшали усы. Немного поодаль, возле паяльной лампы, над которой был прилажен котелок, стояли ещё двое, одетые так же, как и он. Они смотрели на меня сосредоточенно и сурово. Зато тот, который наклонился надо мной, приветливо улыбался и терпеливо ждал, пока я отвечу.

– Ну что, сосчитал?

– Да. Три.

– Хорошо, – ответил он и выпрямился.

– Ну что? – задал ему вопрос один из стоящих возле импровизированного очага.

– Жить будет, – ответил усач.

Я пришёл в себя несколько мгновений назад. Жутко болела голова, но события, предшествующие удару о балку, вспомнились разом: выброс, туннель с истерзанной саксами девушкой, мёртвый связной, погоня, коллектор и... отпустившая меня патрульная Альянса по имени Лианна.

– Нет, нет! – сказал незнакомец в ответ на мою попытку встать со спального. – Не торопитесь... Голова не кружится? Не тошнит? – спросил он с той же полушутливой интонацией, с которой всё время говорил и прежде. Похоже, он обладал весёлым нравом, и такая форма общения была его привычкой.

– Да вроде бы нет. Болит только, но не кружится. И не тошнит... Наоборот, есть хочется, – ответил я с открытой улыбкой, вспомнив японскую поговорку, которая утверждала, что в широко улыбающееся лицо не пускают стрелу. Все трое, хоть и после паузы, но всё же усмехнулись, а я, не вставая, постарался осмотреться.

Несмотря на скудное освещение, с первого же взгляда было ясно, что подземелье, где мы находились, было не похожим ни на что. Оно было рукотворным, однако не каменоломней, потому как создавалось отнюдь либо не только из целей промысла породы. Был потолок, имевший, как мне удалось разглядеть, облицовку из плит; некоторые из них от старости просто попадали вниз. Такую же облицовку из грубо обработанного известняка имели стены, которые были видны с двух сторон. Невдалеке журчала вода, оттуда пахло сыростью, только сыростью, значит, вода была относительно чистой.

Осторожно повернув голову, я принялся рассматривать незнакомцев, в компании которых так ненавязчиво оказался. Вероятно, они нашли меня в канале с водой, который был неподалёку. Пока трудно гадать, к чему приведёт подобный поворот событий, и что вообще со мной могло произойти, если бы я был до сих пор предоставлен самому себе. Приглядевшись, я увидел их четвёртого товарища. Он полулежал, опираясь на стену, и похоже, был без чувств.

Тем временем головная боль стихла, и я почувствовал себя вполне окрепшим для того, чтобы встать. Пробуя вращать головой по сторонам, только сейчас, к своему огромному стыду, я заметил, что переодет в сухой полевой комок. Точно такого же образца, как и те, которые

носили подобравшие меня незнакомцы. Это было сделано наспех и кое-как и, к счастью, касалось только верхней одежды. Впрочем, и её хватило для того, чтобы согреться и не замёрзнуть. «Интересно, – подумал я про себя. – А где моё босоножье тряпье?» Даже лёжа, мне было понятно, что комплект полевого ХБ, который был на мне, явно не по размеру, а то, что моя прежняя одежда вымокла до самой последней нитки, я уже успел забыть.

Теперь моё внимание было приковано к таинственным чужакам. Усач, просивший сосчитать количество пальцев, вероятно, исполнял обязанности медика. Это соображение подкреплялось тем фактом, что, покинув меня, он тут же принялся хлопотать возле раненого. То, что четвёртый в их группе был раненым, вскоре стало для меня очевидным фактом: я разглядел пропитавшуюся, конечно же, кровью, повязку у него на животе.

Двое других кашеварили: в котелке, судя по всему, со временем должен был появиться суп. Один из них был коренаст, круглолиц и обладал, как показалось мне, громадными широкими ладонями. Наверное, он был самым старшим: на вид ему было около сорока пяти лет. Второй, невероятно худощавого телосложения, был моложе первого лет на пять, а может быть, и на семь. В то время как круглолицый, надев очки, сосредоточенно чистил картошку, он медленно и осторожно помешивал варево в котелке. Взглянув на него, сразу становилось ясным, что лидер среди этих людей именно он.

Чем больше я наблюдал, тем явственнее ощущал нервное настроение, охватившее сознание этих людей. Нужно было быть предельно осторожным, но внутренне, тем чувством, которое бывает редко, но если уж есть, то никогда не врёт, я знал, что от этих людей напрасно ждать чего-либо слишком дурного или опасного. Это были не бродяги и уж, конечно же, не беглые мартышки. Скорее всего, мне повезло встретить офицеров КСПН, хотя никаких опознавательных знаков, в том числе и званий, на их комках не было.

Поразмыслив, я понял, что именно в раненом заключается причина их настороженности и напряжённости. Действительно, если посмотреть на ситуацию критически, то становилось ясным, что своим внезапным появлением я могу принести своим случайным встречным гораздо большую долю беспокойства, чем они мне. Возможно, следовало попытаться разрешить напряжение опознаванием.

Когда-то, чувствуя себя вполне защищённым в гротах своего учебного центра, я смеялся над казавшимся мне тогда на редкость дурацким ритуалом, который мы каждый месяц зубрили наизусть. Именно его мне нужно было сейчас воспроизвести. И оценить на своём собственном опыте его эффективность.

Я привстал, чувствуя, как три пары глаз, не моргая, наблюдают за мной, стараясь не упустить ни одного моего движения. Затем присел на корточки. Слегка кашлянул. Поправил левой рукой волосы. Потом сосчитал про себя до трёх. Два раза, будто бы прочищая, быстро моргнул глазами. Моргнул ещё два раза, теперь медленно. Дальше следовал внутренний счёт до двадцати пяти. Затем легонько закусил нижнюю губу и, сморщившись, слегка сплюнул в сторону. Это был общий опознавательный код КСПН на май. Далее также старательно я воспроизвёл код своего учебного центра. Все удовлетворительно закивали головами и посмотрели на худощавого.

– 72-й учебный центр, не так ли? – спросил он, тоже присаживаясь на корточки.

– Да, – ответил я. – Курсант 1-го курса Дмитрий Викторович Гарвий. Отдайте, пожалуйста, мой пистолет и контейнер.

– Не торопись, – сурово сверкнув глазами, проговорил он. – Назови фамилию, имя, отчество начальника центра.

– Пароконный Николай Иванович.

– Какие у него есть характерные особенности?

– Не понял?

– Мне необходимо точно удостовериться, что ты не врешь. Говори как есть, потом будешь демонстрировать хорошее воспитание.

– В любом месте, где можно сказать хоть одно, он с лёгкостью скажет сотню слов.

– Хм, верно, – уголки его губ на мгновение взмыли вверх.

– Командир роты?

– Перегудов Владимир Дмитриевич.

– Как вы его называете?

– В смысле... прозвище?

– Да.

– Трансформатор.

– Ну что же, похоже, ты... наш, – сказал он просто.

Затем встал с корточек и подал мне руку для рукопожатия. Я не стал жать протянутую руку сидя, а тоже встал на ноги, и только тогда обменялся с ним рукопожатием.

– Я – Михаил Викторович Мухин. Это, – указал он на усача, – наш док, Владимир Александрович Капитонов. А это – Александр Юрьевич Воронин, – кивнул он на круглолицего. Тот во время представления кивнул мне и улыбнулся.

– Кстати, – продолжил Мухин, – вон сохнет твоя одежда, у стены – кобура, а рядом с ней твой пистолет. А вот и контейнер, – он протянул мне мой маленький тубус.

– Извините, – начал я, стараясь говорить как можно уверенней. – Конечно, вы сами назвали имя моего учебного подразделения, но процедура опознавания должна быть двухсторонней...

– Он прав, – поддержал меня Александр Юрьевич после короткой паузы.

– Ну, хорошо, – сказал Мухин, с укоризной вертя головой из стороны в сторону.

Затем он в свою очередь продемонстрировал последовательность жестов и действий, совершенно мне не знакомую. После ознакомления с ней я мог сказать наверняка только одно: такого опознавательного кода на май не было ни у одного подразделения КСПН. Я стоял удивлённый, с широко раскрытыми глазами, не зная, что и сказать, до тех пор, пока не усмехнулся и не заговорил Воронин:

– Даже и не старайся, Дима. Эту последовательность ты и не можешь знать. Это код Мифа-Драннора.

– Так вы из Мифа-Драннора? – только и смог выдохнуть после паузы я с неподдельным восхищением и интересом, настолько искренним, что заулыбались все.

– Как теперь себя чувствуешь, Дима? – спросил меня доктор.

– Нормально, – ответил я.

– Сейчас мы это проверим и подтвердим... Подойди, пожалуйста... – попросил меня Капитонов.

После этого он как следует принялся за меня, сначала заставив присесть с закрытыми глазами, затем, не открывая их, дотрагиваться кончиками пальцев до кончика носа. Мне пришлось проделать примерно с десяток тестов, всё в том же духе.

– Ну что? – спросил Мухин.

– Всё в порядке, – ответил тот. – Шишка, конечно, огромная, но признаков гематомы я не вижу.

– Послушай-ка, Дима, – спросил меня Александр Юрьевич, – где мы?

– Я не знаю. Но на каменоломню это мало похоже, – ответил я.

– Вообще не похоже, – сказал Воронин. – Но я не об этом. Мы очень далеко от твоего учебного центра? Ты сам-то сюда, вернее туда, – он кивнул в сторону шумевшей воды, – как попал?

– У вас в учебном центре, в санчасти, есть операционный блок? – вмешался док.

– Есть, – ответил я. – Конечно, мне не с чем сравнивать, но я не раз слышал от наших врачей, что он достаточно просторен и превосходно оснащён медицинскими инструментами и оборудованием. Насколько я представляю, мы должны находиться недалеко от 72-го учебного центра. С другой стороны, про это, – я обвёл рукой вокруг себя, – никогда не слышал. Но ведь я наземный оперативник... в смысле, будущий...

Мои собеседники многозначительно переглянулись.

– Что ты здесь делал? – спросил меня Михаил Мухин.

В качестве ответа, постоянно сбиваясь и перескакивая с одного на другое, я вкратце рассказал провальную хронику своего первого учебного выброса. Эпизод с Лианной я, конечно, скрыл.

– Мы попали сюда примерно так же, как и ты, – сказал Мухин. – Дальше по коридору, – он показал рукой на широкий штрек, уходящий в восточном направлении, – прямоугольная дыра в потолке. Мы провалились в неё, когда бежали от «кротов».

– Вероятно, какая-то операция Альянса! – удивлённо заметил я.

Конечно, я знал про «кротов». Но они были для меня чем-то эфемерным, то есть существующими где-то за границами ареала моего собственного бытия. Теперь надо было считать их реально существующей угрозой.

– Наш товарищ ранен, – продолжил Михаил Викторович. – И было бы очень неплохо отыскать твой 72-й учебный центр. Причём как можно раньше.

– Док? – обратился он к Капитонову. – Изменения в состоянии Андриюши есть?

– Сколько у нас времени? – в свою очередь спросил его Воронин, кивнув на раненого.

– Трудно сказать. Но более суток он вряд ли протянет.

– Теперь ты понимаешь, – повернулся ко мне Мухин, – насколько нам важно быстро отыскать твой Центр?

– Так точно! – ответил я, трогая свою действительно огромную шишку.

– А теперь, – сказал Мухин, – ты, Гарвий, и ты, Юрьевич, – со мной на разведку. Необходимо попытаться отыскать путь в 72-й УЦ. Или хотя бы понять, где мы и как отсюда выбраться.

– Я извиняюсь, Викторович, – спокойно возразил Воронин, – но мне вполне будет достаточно Димы. Вам лучше бы остаться при раненом.

Капитонов хотел, было, вмешаться, но сдержался, просто закивав в знак согласия головой.

– Верно... – нехотя согласился Мухин. – Буду при кухне, – сквозь досаду усмехнулся он. – Идите прямо сейчас!

– Владимир Александрович, а сколько я был без сознания? – спросил я у Капитонова.

Этот вопрос давно вертелся у меня на языке, но всё не появлялось удачного момента для того, чтобы задать его доку тет-а-тет. Теперь, когда Мухин с Ворониным о чём-то шептались между собой, наступило время и для него.

– Недолго, – ответил доктор. – Минут двадцать. Прости, конечно, просто нашатырного спирта нет.

– А где меня нашли?

– В канале. Искать тебя вообще не пришлось. До этого мы тебя слушали, знаешь сколько? А звук от удара твоего лба о балку был, наверно, слышан на поверхности.

– Ясно, – сказал я и снова обвёл восхищённым взглядом людей, которые были живым доказательством того, что легендарный город существовал в самой настоящей действительности.

Тем временем чёткие сборы Воронина подстегнули и меня. Я достал из промокших трузеров свой не успевший до конца высохнуть пояс, для того чтобы вдеть его в спадающие с меня без него защитные штаны. Спрятал компас, надел кобуру и проверил пистолет.

– Держи, – сказал Александр Юрьевич, наклоняясь к своему трансу. – Шестнадцать хватит? – спросил он, доставая патроны.

– Конечно, спасибо, – ответил я, заряжая обоймы.

– На, возьми, – сосредоточенно-сурово сказал Мухин, протягивая мне респиратор и коногон. – А вот и твоё недоразумение, кстати, – он отдал мне мой запасной фонарик. – Разве можно вообще связываться с таким светом?

Проверяя на всякий случай карманы моей промокшей одежды, я нашёл свою иконку, о которой уже успел позабыть. Теперь нас связывала история. Вода почти не повредила ей: скотч, показавшийся мне неказистым тогда, когда я впервые увидел икону, защитил изображение от воды.

– Может быть, это ты спасла меня? – чуть слышно обратился я к ней.

Засовывая её во внутренний карман формы, я невольно поймал себя на том, что снова вспоминаю улыбку Лианны. И хотя, конечно же, ценность этого воспоминания не выдерживала никакой критики, но всё-таки помогла смириться с тем фактом, что весь сахар, который я с такой радостью нашёл на поверхности, растаял без следа.

Спустя пять минут сборы были закончены.

– Юрьевич! – окликнул Мухин Воронина и кивнул головой в сторону воды. – Не забудь.

Около самого канала виднелись очертания небольшой кучки, состоящей из продолговатых предметов, которые я из-за тусклого освещения подземелья двумя свечами и газовой горелкой никак не мог опознать. Воронин подошёл к ним, взял один из них и стал крепить его на своей спине. И только когда он повернулся спиной к источникам света, чтобы наклониться над Михаилом Викторовичем для того, чтобы что-то ему сказать, я разглядел.

Все знают, что бывают зрелища и впечатления, которые не то чтобы шокируют, но всё-таки идут в разрез с окружающей нас реальностью, заставляя задать себе вопрос о том, не спим ли мы сейчас. В данном случае картина действительно была сюрреалистичной, ибо на спине Юрьевича было не что иное, как меч в кожаных ножнах, которые имели подобие португалии, позволявшей крепить конструкцию на спине. «На кой ляд им мечи?» – пронеслось в моей голове. Немой вопрос уже был готов превратиться в обычный, но интуиция почему-то решительно захлопнула уже, было, открывшийся рот.

– ... всё равно не умеет им пользоваться, – услышал я окончание крайней реплики короткого диалога Воронина и Мухина; эти слова были сказаны последним. Поняв, что диалог был посвящён вопросу о том, стоит ли тоже наделять меня в предстоящую маленькую экспедицию мечом, я всерьёз задумался о том, не стоит ли мне помахать изо всех сил головой из стороны в сторону – именно так я будил себя в неприятных снах. В конце концов, я решил, что в дальних переходах вполне может существовать такая практика, ведь в узких коридорах не всегда было возможно воспользоваться огнестрельным оружием, без риска не повредить свои собственные барабанные перепонки.

Путь на север преграждала стена. На запад, через канал, который тёк с севера на юг, тоже. Подземный ручей с севера, как рассказал мне Александр Юрьевич, начинался маленьким водопадом, с верха которого я, когда был без чувств, и плюхнулся с бурным всплеском в воду канала внизу. С юга его путь пересекала массивная железная решётка, не препятствующая току воды, но успешно преграждавшая путь человеку. Поэтому если не считать трудного и неудобного форсирования водопада, то есть попытки проделать путь, которым я пришёл, в обратном порядке, для наших поисков у нас оставался только восток. Куда мы и пошли.

Я поделился своими мыслями касательно топологии подземелья со своим ведущим.

– Кстати, – задумчиво произнёс он, – есть ещё ход на восток возле водопада. Это немного увеличивает наши шансы на то, чтобы отсюда выбраться.

Немного успокоившись после всего пережитого, я попытался, было, разобраться со своим настроением. Горечь от провала первого самостоятельного выхода на поверхность компенсировалась.

рвалась необычайными событиями, на которые была столь бедна жизнь в учебном центре, поэтому я решил пока отбросить ненужные никому угрызения совести и приберечь их хотя бы тех пор, пока мы не найдём дорогу домой, в мой 72-й учебный центр. «В конце концов, ведь не по моей вине», – поставил я внутри себя точку терзаниям, сосредотачивая своё внимание на окружающих нас стенах. К тому же всё-таки пробралась в мой мозг мысль – «если бы я не потерял пистолет»... На этом месте я вздохнул, понимая, что некоторые яркие события в нашей жизни подобны кометам: иные из них, миновав нашу планету, снова через положенный промежуток времени вернутся; другие же исчезнут навсегда в необъятных пучинах космоса... К этому времени мы отошли от лагеря немногим более ста метров, хотя стоило обернуться, огоньки от свечей, казалось, были за несколько километров от нас.

Тем временем подземелье продолжало нас удивлять. Просторное и широкое настолько, что в одну шеренгу могли идти около пятнадцати человек, оно было загадкой, главная из которых заключалась в его предназначении. Потолок позволял шагать, не сгибаясь. Приятное обстоятельство, которое слегка портило то, что была опасность падения с потолка плиты, из тех, что там остались. Многие, половина или немногим более от общего количества, пережив подобный переломный пункт своей биографии, уже валялись на полу.

Вскоре мы нашли непонятную конструкцию, которая привлекла наше внимание на несколько минут. Из стены, нависая над громадным, ссохшимся от времени деревянным корытом, по углам, скреплённым коваными железными уголками, выходила труба. Она была тоже из дерева, прямоугольная, такого диаметра, что в неё было можно засунуть голову, но не более того.

– Смотри, Дима, – сказал Воронин, приседая на корточки перед корытом, – видишь уголок? – Он потрогал массивный железный угол рукой, освещая его коногоном. – Обрати внимание на гвозди.

– Квадратная шляпка, – подивился я, видя такое впервые. – Они тоже кованые?

– Да. А это значит... Этому корыту лет двести пятьдесят, наверное. Если не больше.

– Так кто же это строил, Александр Юрьевич?

– Можешь называть меня просто Юрьевичем, Дима... А кто всё это строил, это очень и очень хороший вопрос, – ответил мне Воронин, поднимаясь с четверенек и продолжая путь.

– Как думаете, а что это такое?

– Твоя версия? – улыбнулся он.

– Вентиляция?

– Я тоже так сначала подумал... но зачем тогда корыто? Для того чтобы собирать в него воду? То есть, с помощью всей этой конструкции добывали воду. Возможно.

– Юрьевич, – смеясь, спросил я, – а по званию Вы?..

– Майор, – ответил тот, сбавляя шаг и останавливаясь: мы подошли к развилке. Налево ход сужался и пролегал, вероятно, через одно из ответвлений канала, так как оно было гораздо уже своего родителя. Поверх него лежала продолговатая железная плита, игравшая роль мостика. Направо на полу, до этих пор, если не считать упавших плит, гладком, вдалеке лежали валуны, а посередине хода виднелась опорная стойка. Путь прямо преграждала стена.

– Ну, что, – сказал Воронин, глядя на меня поверх очков, которые он надел в начале пути, – пойдём-ка сначала, дядя Дима, направо?

– Направо, так направо, – подтвердил я, невольно гордясь титулом «дяди».

Мы дошли до стойки, за ней в потолке увидев ещё одну конструкцию, не менее примечательную, чем предыдущая.

– А вот это уже точно вентиляция, – сказал Юрьевич, задумчиво глядя на громадную полую трубу-мачту, выступавшую из потолка. Изначально она, по-видимому, состояла из нескольких компонентов, вращающихся посредством веревок, в обилии отходивших от главной части, осматриваемой Ворониным, к механизмам, располагающимся вдоль стен.

– Интересно, – в задумчивости задал он вопрос, ни к кому конкретно не обращаясь, – вон ещё не превратились в труху деревянные лопасти... верёвки это, конечно же, передача... но чем они всё это приводили в движение? Тут, – он пошёл к агрегату у одной из стен, – всё разрушено... И растащено, явно растащено, опять-таки, кем и зачем? – Я только и мог, что пожать плечами.

– Смотрите-ка, Юрьевич, факел! – удивлённо воскликнул я, увидев прикреплённое к стене древнее орудие освещения. – И ещё один! Давайте подождём?

Мы замерли, стараясь определить, если в системе хоть какой-нибудь сквозняк. Он был, и довольно ощутимый. Я попробовал достать факелы из их держателей. Те не без труда, но подались.

– А, давай... – начал, было, Воронин, но тут же замер и изменился в лице. Тут же и я услышал этот, не похожий ни на один из других, *звук*. Мгновенно потушив и свой, и мой коноганы, майор оттащил меня за стойку механизма, и мы замерли в кромешной тьме. Послышался шорох – это Юрьевич обнажил свой меч. Я почувствовал, как у меня выступает пот на моём украшенном шишкой лбу.

Мы замерли, стараясь не дышать. Звук удалялся. Тихое, мерное клацанье, именно клацанье, которое было трудно сравнить или описать, надо было только слышать. Прошло около пятнадцати минут после того, как звук стих; только после этого мой ведущий спрятал в ножны на спине меч, и разрешил включить свет.

Существуют какие-то невидимые границы, маяки и буи в человеческом общении. Так иногда, только глядя на человека, мы понимаем, что можно ему сказать в тот или иной момент времени, а что нет. Так и я, как и тогда, когда впервые увидел мечи, почувствовал, что спрашивать сейчас товарища майора о том, кого или что могли мы встретить, не стоит. Даже несмотря на то, что из всех членов нашедшей меня группы именно он благодаря своему мудрому и доброму характеру был мне ближе всех остальных.

Александр Юрьевич не спеша достал из своего бокового внешнего кармана штанов небольшую фляжку и отвинтил крышку.

– Хочешь пить? – спросил майор, протягивая её мне.

– Да, – ответил я, чувствуя, что в моём рту и вправду давно пересохло. После пары глотков я вернул флягу, в которой был холодный чай, её хозяину.

– Знаешь что, Дима, – сказал он мне, в свою очередь, отхлебнув, – давай-ка мы с тобой вернёмся обратно к развилке и пойдём всё-таки налево.

Глава VI

в которой главный герой освещает факелом мрачные стены и загадочные глыбы, находит относительно крепкую верёвку и борется со страхом высоты

После того как мы вернулись к перепутью, Юрьевич сделал мне знак остановиться.

– Ну что, попробуем поджечь? – он достал из кармана зажигалку.

– Давайте – ответил я, подставляя факел.

В первые мгновения казалось, что древнее орудие освещения не примется и так и останется совершенно бесчувственным к огню. Но постепенно с какой-то грациозной плавностью огонь охватил весь факел целиком.

– Смотри-ка, – сказал Воронин, – практически не дымит.

Никогда раньше в той жизни, на поверхности, я не задумывался над тем, какая громадная разница между светом от фонаря и светом, к примеру, обыкновенной свечи. Насколько уютнее последний, который живой игрой своего пламени относится к себе, словно к одушевлённому существу. Мы невольно повеселели, погасив свои коногоны, и залюбовавшись настоящим, живым огнём.

– Теперь будешь отвечать за освещение, Дима, – улыбнулся Юрьевич. – Посвети-ка сюда. Он достал из бокового кармана фонендоскоп и, сосредоточенно приладив его к ушам, начал прослушивать сначала стену, потом пол.

– Вроде, тихо, – сказал он, аккуратно пряча прибор обратно в карман. – Ну, пошли, – и мы, стараясь как можно тише ступать по гулкому железу, перешли по мостику канал. Сразу за ним ход сужался так, что двоим ещё можно было идти плечом к плечу, третий бы не поместился. Вскоре мы подошли к ещё одной развилке; первый ход шёл далее прямо, второй же под острым углом по отношению к тому пути, которым мы пришли, вёл практически в обратную сторону, на юг, или, если точнее, на юго-восток, под сильным наклоном уходя вниз. На полу мы увидели громадные шестерёнки. Их было несколько, каждая из них разного диаметра, но разбиты были все.

– Запоминаем шестерёнки, Дима. Кстати, как думаешь, твой Центр по уровню выше или ниже нас?

– Честно, не знаю, – ответил я.

– Мне кажется, что выше... Так что давай спустимся вниз по этому ходу, посмотрим, но далеко отходить не будем, вернёмся и пойдём прямо, – и мы пошли по штреку, который вёл вниз. Я ступал первым, освещая факелом путь, а Юрьевич следовал за мной, беспрестанно прислушиваясь. Оба мы старались при движении производить как можно меньше шума.

Так мы прошли минут пять. Ход перестал спускаться, плавно превратившись в горизонтальный. Я уже, было, внутренне посетовал на его однообразность, как вдруг заметил впереди себя нечто вроде белых верёвок по бокам штрека. Воронин, увидев их одновременно со мной, прикосновением руки остановил меня. Вокруг нас царил абсолютная тишина, если не считать мерного потрескивания факела. Однако Юрьевич снова достал свой фонендоскоп и повторил операцию прослушивания.

– Что это, товарищ майор? – на этот раз набрался смелости я.

– Это, Дима, паутина, – он взял из моих рук факел и поднёс их к тому, что я сначала принял за скопление белых верёвок.

Я подошёл ближе и широко распахнутыми глазами уставился на удивительные толстые полупрозрачные нити, переплетённые между собой с обоих концов прохода. Очевидно, ранее они представляли собой единое полотно, пока не помешали кому-то или чему-то пройти.

– Вокруг тихо, но пошли лучше обратно к шестерёнкам... – сказал мой спутник. – Держи факел.

Мы вернулись обратно и пошли по штреку, который вёл прямо. Впрочем, вскоре ход завернул налево таким образом, что мы стали двигаться на запад. Это не понравилось моему ведущему. Он хмуро смотрел на свой компас и недовольно качал головой из стороны в сторону. Мы шли довольно долго. Сначала я не понимал причин его недовольства, но когда услышал шум падающей воды, дошло и до меня. Вскоре мы вышли к каналу.

– Ну вот, – сказал Юрьевич, – мы вышли к водопаду. Кстати, именно здесь, – он показал на поверхность канала, недалеко от места падения воды, – мы тебя и нашли.

– Мы пришли из того самого хода, про который вы мне говорили?

– Да, – вздохнул он. – Пошли обратно, Дима. Пойдём по штреку, который ведёт вниз. Конечно, можно снова пройти через наш лагерь, но зачем... К тому же намочим ноги. Не слышишь?

– Что? – после паузы спросил я, так ничего и не услышав.

– Голоса наших. Кстати, они тоже слышат нас и знают, что это мы. Ладно, не будем отвлекаться на пустяки, пошли.

По дороге Воронин загрузил. Мы оба отлично понимали, что вероятность того, что это диковинное, такое странное подземелье имеет выход в Систему, находясь в которой уже было более-менее реально пытаться найти учебный центр, была крайне мала. Значит, придётся подниматься вверх на поверхность по коллектору, для того чтобы потом выйти на Систему с помощью точки заброса, которую придётся искать впятером в условиях, когда один из нас ранен настолько тяжело, что находится без сознания и может умереть в любую минуту. Притом в местности, полной взбесившихся по непонятной причине патрулей Альянса. Всё это оставляло не так уж и много шансов на успешный исход предприятия. Хотя оставался ещё путь направо, к непонятным клацающим звукам, которые, как начинал догадываться я, издавало то же самое существо, которое имело самое непосредственное отношение к гигантской паутине.

– Дима, в Системе около Центра в последнее время не происходило ничего необычного? Никаких там... наблюдений, эксцессов, слухов, пусть глупых?

– Нет, – ответил я, догадываясь, что раз у нас никогда не было всякой подобной чертовщины вроде белых полупрозрачных верёвок, смахивающих на паутину, то логично предположить, что Система не имеет соприкосновения с лабиринтом этого необычного подземелья, выход из которого мы сейчас пытались найти.

Мы снова вернулись обратно к шестерёнкам и опять пошли по штреку, сходящему вниз. Прошли паутину. После неё шли долго, сосредоточенно, время от времени останавливаясь для того, чтобы мой ведущий смог «прослушать» окружающее нас пространство.

Спустя около полтора часа, отсчитывая от обломков разбитых шестерёнок, мы пришли к новой развилке. Два хода, образуя подобие буквы Y по отношению к штреку, которым мы пришли, уходили в скрытую мраком неизвестность. Мы остановились, Юрьевич поправил свой автомат, висящий на правом плече, и произвёл процедуру прослушивания. К этому времени я почувствовал сильный голод и усталость, однако старался держаться, равняясь на моего спутника, который если и испытывал нечто подобное, то ничем не выказывал этого.

Посоветовавшись, мы направились направо. Вскоре штрек устремился вверх, и, конечно же, идти стало значительно труднее. Зато воодушевился Воронин, наверное, мы на самом деле были всё-таки очень глубоко относительно поверхности, раз он приободрился всякий раз, стоило только нам начать хоть немного подниматься. После двадцати минут

непрекращающегося подъёма мы остановились для очередной прослушки, после чего решили немного отдохнуть. Юрьевич достал сигареты и посмотрел на часы.

– Полдень... угощайся, – протянул он пачку мне.

– Спасибо, – искренно поблагодарил я, взял сигарету и с наслаждением закурил.

Затем мы допили чай из фляги майора.

– Окурочка сюда, Дима, – сказал Воронин и протянул мне железный портсигар, который служил пепельницей.

Факел догорал.

– Зажигать второй будем, Александр Юрьевич? – спросил я, отбрасывая потухший.

– Пока нет, – ответил он. – Давай перейдём на наш свет.

Мы включили коногоны.

– Кто знает, может, пригодится потом... – после паузы задумчиво заметил майор.

Мы двинулись дальше. Без огня факела стало сразу как-то необъяснимо тяжелее и тревожнее. Причём, как подметил я, не только мне. После отдыха мы прошли совсем недолго, как ход закончился продолговатой залой, которая была построена так, что как будто бы были объединены три ранее отдельные друг от друга комнаты. Мы принялись за её исследование. На западе имелся ход. Войдя в него, мы обнаружили, что он заканчивается тупиком – круглым гротом, на полу которого валялась неизвестно как здесь очутившаяся железная вагонетка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.